

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.П. АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет
Кафедра современного русского языка и методики

Любавский Кирилл Станиславович

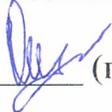
МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ
Ассоциативное поле «вечность»
в языковом сознании русских и китайских студентов

Направление подготовки 44.04.01 Педагогическое образование
Магистерская программа «Русский язык и литература в поликультурной среде»

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой
профессор, доктор филологических наук
Е.В. Осетрова
«7» мая 2025 г. (подпись)

Руководитель магистерской программы
профессор, доктор филологических наук
Е.В. Осетрова
«7» мая 2025 г. (подпись)

Руководитель магистерской программы
профессор, доктор филологических наук
Е.В. Осетрова
«7» мая 2025 г. (подпись)

Обучающийся К.С. Любавский
«7» мая 2025 г. (подпись)

Красноярск

2025

РЕФЕРАТ

Магистерская диссертация содержит 82 страницы, включая раздел с рефератом. Теоретическую основу исследования составили 50 источников (монографии, словари, учебные издания, научные статьи), представленные в библиографическом списке. Диссертация состоит из введения, двух глав, в том числе выводов по главам, заключения, списка использованных источников.

Объектом исследования является языковое сознание русских и китайских студентов, а его **предметом** – ассоциативное поле «вечность» как отражение языкового сознания русских и китайских студентов.

Цель исследования – выявить, проанализировать и сопоставить ассоциативное поле «вечность» в языковом сознании русских и китайских студентов.

Анализ научных работ в области лингвистики и культурологии доказал значимость концепта «вечность», важного лингвокультурного элемента языковой картины мира. **Актуальность исследования** определяется необходимостью выявления специфики ассоциативных связей, формирующих семантическое поле данного концепта в сознании русских и китайских студентов. Сравнительный анализ позволит не только раскрыть культурно-обусловленные различия в его восприятии данного концепта, но и углубить понимание механизмов взаимодействия языка, мышления и культуры. Соответствующая лексема и была выбрана для проведения лингвистического эксперимента.

Методы исследования: метод ассоциативного цепочечного эксперимента, метод количественного и качественного анализа, описательный и сопоставительный методы.

Полученные результаты:

1) изучена соответствующая научная литература, выделены основные рабочие понятия по теме исследования;

2) собран материал методом цепочечного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 103 студента (53 русских и 50 китайских);

3) проанализировано 746 реакций испытуемых на слово-стимул «вечность»; выявлены сходства и различия ассоциативного поля «вечность» в различных культурах;

4) полученные данные сопоставлены с материалами толковых и ассоциативных словарей;

5) по теме исследования составлен конспект занятия для обучающихся высших учебных заведений.

Научная новизна заключается в реализации лингвокогнитивной и сопоставительной направленности анализа ассоциативного поля «вечность», позволяющей выявить место и роль этого фрагмента в картине мира представителей России и Китая – русских и иностранных студентов.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности применения результатов исследования в педагогической деятельности для решения проблем межкультурной коммуникации, связанных с различием языкового сознания носителей разных языков. Материалы работы могут быть использованы на занятиях по социолингвистике, психолингвистике, лексике при обучении РКИ.

Материалы работы **апробированы** на: 1) II Международной научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы изучения русского языка в поликультурной среде», 2024 г. 2) III Международной научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы изучения русского языка в поликультурной среде», 2025 г. По итогам участия подготовлены к печати 2 статьи в сборниках международной конференции:

Любавский К.С. Ассоциативное поле как способ изучения языкового сознания носителей различных этносов // Актуальные проблемы изучения русского языка в поликультурной среде: мат-лы междунар. науч.-практ. конф.

Красноярск, 28–29 февраля 2024 г. [Электронный ресурс] / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2024. С. 48–51.

Любавский К.С. Ассоциативное поле ВЕЧНОСТЬ в языковом сознании русских и китайских студентов // Актуальные проблемы изучения русского языка в поликультурной среде: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 13-15 февраля 2025 г. [Электронный ресурс] / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2025 (*в печати*).

ABSTRACT

The master's thesis has a volume of 80 pages, including a section with an abstract. The theoretical basis of the study was made up of 50 sources (monographs, dictionaries, educational publications, scientific articles), which are reflected in the bibliography. The dissertation consists of an introduction, two chapters, including conclusions by chapters, a conclusion, a list of references.

The dissertation consists of an introduction, two chapters, including conclusions on chapters, conclusion, and a list of sources used.

The object of the study is the linguistic consciousness of Russian and Chinese students, and its subject is the associative field «eternity» as a reflection of the linguistic consciousness of Russian and Chinese students.

The aim of the study is to identify, analyze and compare the associative field «eternity» in the linguistic consciousness of Russian and Chinese students.

The relevance of the study is determined by the need to identify the specifics of associative links that form the semantic field of «eternity» in the minds of Russian and Chinese students. Comparative analysis will not only reveal culturally conditioned differences in the perception of this concept, but also deepen the understanding of the mechanisms of interaction between language, thinking and culture.

As a result of the analysis of scientific works in the field of linguistics and cultural studies, the word «eternity» was selected for the experiment, acting as a linguacultural element of the linguistic picture of the world.

Research methods: associative chain experiment method, quantitative and qualitative analysis method, descriptive and comparative methods.

Results obtained:

1) the relevant scientific literature was studied, the main working concepts on the research topic were identified;

2) the material was collected using the method of chain associative experiment, in which 103 students (53 Russian and 50 Chinese) took part;

3) 746 reactions of subjects to the stimulus word «eternity» were analyzed; similarities and differences of the associative field «eternity» in different cultures were identified;

4) the obtained data were compared with materials from explanatory and associative dictionaries;

5) a lesson plan for higher educational institutions was compiled on the research topic.

Scientific novelty lies in the linguacognitive aspect of the analysis of the associative field «eternity», which allows us to identify the place and role of this fragment in the picture of the world of representatives of Russia and China. This work claims to fill the gap in the issue of studying the proposed problem using the example of considering the associative field «eternity» in the perception of Russian and foreign students.

The practical significance of the dissertation lies in the possibility of applying the research results in pedagogical activities to solve problems of intercultural communication associated with the difference in the linguistic consciousness of native speakers of different languages. The materials of the work can be used in classes on sociolinguistics, psycholinguistics, vocabulary when teaching Russian as a foreign language.

The materials of the work were tested at: 1) the II International Scientific and Practical Conference with International Participation «Actual Problems of Studying the Russian Language in a Multicultural Environment», February 28-29, 2024, 2) the III International Scientific and Practical Conference with International Participation «Actual Problems of Studying the Russian Language in a Multicultural Environment», February 13-15, 2025. Based on the results of participation, two articles were published in the proceedings of the international conference.

Содержание

Введение	8
Глава 1. Теоретические основы изучения языкового сознания	12
1.1. Языковое сознание и психолингвистика	12
1.2. Ассоциативный эксперимент как способ изучения языкового сознания ..	19
1.3. Языковое сознание с позиции лингвокультурологии:	24
ментальность и менталитет, культурные концепты	24
1.4. «Время» как культурно-психологический феномен	27
языковой картины мира	27
Выводы к главе 1	32
Глава 2. Описание ассоциативного поля «вечность» в языковом сознании русских и китайских студентов	34
2.1. Анализ реакций на стимул «вечность» русских и китайских студентов ...	34
2.1.1. Анализ реакций на стимул «вечность» русских студентов	35
2.1.2. Анализ реакций на стимул «вечность» китайских студентов	48
2.2. Сопоставительный анализ реакций русских и китайских студентов	57
2.3. Методическая разработка урока	66
Выводы к главе 2	72
Заключение	75
Список литературы	78

Введение

Концепт «вечность» является одной из фундаментальных категорий человеческого мышления, тесно связанной с философскими, религиозными и культурными традициями. В разных языковых картинах мира он приобретает специфические черты, обусловленные историческим опытом и системой ценностей. Данное исследование направлено на выявление особенностей ассоциативного поля понятия вечности в языковом сознании русских и китайских студентов, что позволяет глубже понять механизмы взаимодействия языка и культуры.

Анализ языкового сознания открывает уникальные возможности для проникновения в глубинные пласты культурных ценностей, поведенческих моделей и когнитивных структур, характерных для той или иной лингвокультурной общности. Более того, подобные исследования выявляют потенциальные точки межкультурного напряжения, возникающие при взаимодействии носителей различных языковых картин мира. Таким образом, изучение этого феномена способствует не только академическому пониманию культурного многообразия, но и имеет важное прикладное значение для развития эффективного межкультурного диалога в условиях глобализации.

Сложноорганизованная природа языкового сознания представляет собой динамическую систему, где все элементы находятся в состоянии постоянного взаимодействия и взаимовлияния. Эти глубинные связи, часто неосознаваемые самими носителями языка, формируют сложную сеть ассоциаций и смысловых конфигураций. В связи с этим закономерно возникает методологический вопрос: каким образом можно исследовать столь многомерный и изменчивый феномен?

Анализ научных работ в области лингвистики и культурологии доказал значимость концепта «вечность», важного лингвокультурного элемента языковой картины мира. **Актуальность исследования** определена необходимостью выявления специфики ассоциативных связей, формирующих

семантическое поле данного концепта в сознании русских и китайских студентов. Сравнительный анализ позволяет не только раскрыть культурно-обусловленные различия в его восприятии данного концепта, но и углубить понимание механизмов взаимодействия языка, мышления и культуры. Соответствующая лексема и была выбрана для проведения лингвистического эксперимента.

Научная новизна заключается в реализации лингвокогнитивной и сопоставительной направленности анализа ассоциативного поля «вечность», выявляющего место и роль этого фрагмента в картине мира представителей России и Китая – русских и иностранных студентов.

Объект исследования – языковое сознание русских и китайских студентов.

Предмет исследования – ассоциативное поле «вечность» как отражение языкового сознания русских и китайских студентов.

Цель исследования – анализ и сопоставление ассоциативного поля «вечность» в языковом сознании русских и китайских студентов.

Цель исследования требует решения следующих **задач**:

- 1) изучить научную литературу по проблеме исследования, определить основные рабочие понятия;
- 2) собрать материал для исследования методом цепочечного ассоциативного эксперимента;
- 3) проанализировать реакции испытуемых из России и Китая на стимул «вечность», выявить сходство и различие ассоциативного поля «вечность» в разных культурах;
- 4) сопоставить полученные данные с материалами толковых и ассоциативных словарей русского языка;
- 5) разработать методические материалы по теме исследования.

Источники исследования:

- 1) материалы ассоциативного эксперимента, проведенного в октябре-ноябре 2023 года;

2) материалы ассоциативного эксперимента, проведенного в ноябре-декабре 2024 года.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют научные исследования, посвященные проблематике изучения языкового сознания под авторством А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева, Ю.Н. Караулова, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой, Р.М. Фрумкиной, Ю.А. Борисовой, Е.С. Яковлевой.

Методы исследования – метод ассоциативного цепочечного эксперимента, метод количественного и качественного анализа, описательный и сопоставительный методы.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии таких понятий, как «языковая картина мира», «языковое сознание», «ассоциативное поле». Изучение языкового сознания на основе результатов ассоциативного эксперимента носителей разных лингвокультур позволяет выявить общее и различное в языковой картине мира различных культур. Раскрытие этих понятий и их взаимосвязи на конкретном материале и в границах одного предметного содержания дает возможность более глубокого понимания процессов, происходящих в языковом сознании человека.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности применения результатов исследования в педагогической деятельности для решения проблем межкультурной коммуникации, связанных с различием языкового сознания носителей разных языков. Материалы работы могут быть использованы на занятиях по социолингвистике, психолингвистике, лексике при обучении РКИ.

В качестве **методической части** разработано занятие русского языка как иностранного на тему «Вечность в зеркале культур: сравнительный анализ русской и китайской поэзии», соединяющее литературный анализ с практикой межкультурной коммуникации, что особенно важно для китайских студентов, изучающих русский язык.

Апробация:

Материалы исследования представлены на научно-практических конференциях:

1) II Международная научно-практическая конференция с международным участием «Актуальные проблемы изучения русского языка в поликультурной среде», 28–29 февраля 2024 г. (доклад);

2) III Международной научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы изучения русского языка в поликультурной среде», 13-15 февраля 2025 г. (доклад).

По итогам участия подготовлены к публикации 2 статьи в сборниках названной международной конференции:

Любавский К.С. Ассоциативное поле как способ изучения языкового сознания носителей различных этносов // Актуальные проблемы изучения русского языка в поликультурной среде: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 28–29 февраля 2024 г. [Электронный ресурс] / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2024. С. 48–51.

Любавский К.С. Ассоциативное поле *ВЕЧНОСТЬ* в языковом сознании русских и китайских студентов // Актуальные проблемы изучения русского языка в поликультурной среде: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 13-15 февраля 2025 г. [Электронный ресурс] / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2025 (*в печати*).

Магистерская диссертация **состоит из** введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

Глава 1. Теоретические основы изучения языкового сознания

1.1. Языковое сознание и психолингвистика

Понятие «языковое сознание» широко применяется в различных научных областях, включая философию, лингвистику, культурологию, и психологию, что снижает его терминологическую строгость. По мнению Т.В. Ушаковой, будучи «в известной мере модным, данный термин в то же время остается недостаточно определенным. Ощущается потребность более ясно понять, в чем его суть, что оно высвечивает в сознании исследователя, какие возможности открывает в исследовательском поле, какие акценты ставит в поле исследовательских проблем» [Ушакова, 2000, с. 13].

Частотность употребления термина «языковое сознание» в заголовках научных публикаций и сборников свидетельствует о его значимости и актуальности в современной науке. Интерес к проблематике языкового сознания проявляется, в частности, в рамках научных мероприятий, организуемых Институтом языкознания РАН, где данная тема неизменно занимает центральное место в дискуссиях по психолингвистике и теории коммуникации. Этот факт объясняется тем, что именно Московская школа психолингвистики внесла наибольший вклад в изучение и осмысление данного феномена.

Однако, несмотря на пристальное внимание исследователей и значительное количество работ, посвященных этой теме, до сих пор не существует общепринятого определения понятия «языковое сознание». Разные научные школы и отдельные ученые предлагают различные трактовки, что создает определенные трудности в систематизации и обобщении результатов исследований.

В рамках Московской психолингвистической школы ключевым стало определение языкового сознания, сформулированное Е.Ф. Тарасовым. Ученый трактует его как «языково-опосредованную картину мира конкретной культуры, которая включает перцептивные, концептуальные и процедурные

знания носителей о реальности» [Тарасов, 2000, с. 4]. Это положение дополняется позицией Н.В. Уфимцевой, утверждающей, что в структуру языкового сознания входят также знания о языке как «социально-значимой системе кодирования реальности, выполняющей ориентирующую функцию в коммуникации» [Уфимцева, 2006, с. 112].

Таким образом, исследователи подчеркивают, что языковое сознание охватывает все содержание сознания, получившее внешнее выражение – от базовых представлений о мире до социально обусловленных языковых норм. Иными словами, это не только внутренние ментальные процессы, но и их материализация через речевую деятельность, отражающая культурно-исторический опыт социума.

Как подчеркивает А.А. Залевская, термин «языковое сознание» представляет собой сочетание двух ключевых понятий – «язык» и «сознание», которые относятся к смежным, но самостоятельным научным дисциплинам: лингвистике и психологии [Залевская, 1992, с. 47]. Этот синтез отражает междисциплинарный характер исследования языкового сознания, объединяющего когнитивные процессы и их вербальное выражение. По мнению исследовательницы, подобная двойственность термина подчеркивает необходимость комплексного подхода к его изучению, учитывающего как лингвистические структуры, так и психологические механизмы восприятия и осмысления действительности [Залевская, 1992, с. 52].

Еще в эпоху античности мыслители исследовали природу языка: анализировали его внутреннее устройство, пытались определить принципиальные отличия человеческой речи от сигнальных систем животных, а также определить специфику вербального общения в сравнении с другими формами невербальной коммуникации (жесты, символы, ритуалы). Эти интеллектуальные поиски в результате привели к формированию лингвистики – научной дисциплины, изучающей законы функционирования, развития и вариативности языка.

Одним из ключевых основателей современной лингвистической мысли считается Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835), чьи идеи заложили фундамент антропоцентрического подхода к языку. Гумбольдт рассматривал язык не как статичную систему, а как непрерывный процесс творческого выражения мысли, отражающий связь между культурой, мышлением и национальным духом народа. По его мнению, язык – это не инструмент коммуникации, а «орган внутреннего бытия» человека, формирующий его мировоззрение: «разные языки – это не различные звуковые обозначения одного и того же предмета, а различные видения его» [Гумбольдт, 2000, с. 12]. Ученый ввел понятие «внутренней формы языка» – системы глубинных связей, определяющих уникальность восприятия реальности его носителями, и один из первых поднял проблему «языкового сознания народа». Эти идеи предвосхитили гипотезу лингвистической относительности Сепира-Уорфа и стали основой этнолингвистических исследований.

Параллельно с гумбольдтовской традицией развивалась структуралистская парадигма, вершиной которой стала теория Фердинанда де Соссюра (1857–1913). В работе «Курс общей лингвистики» он предложил дихотомию языка как социальной системы знаков – и речи. Лингвист определял язык как «социальный институт, существующий независимо от индивида, совокупность конвенциональных правил, хранимых коллективным сознанием» [Соссюр, 1977, с. 49–51]. Его знаковая теория, где лингвистический знак трактуется как единство означающего (акустического образа) и означаемого (понятия), заложила основы семиотики и структурализма.

Идеи Гумбольдта нашли продолжение в трудах А.А. Потебни, разработавшего концепцию «внутренней формы слова», а соссюровский структурализм повлиял на Р. Якобсона и Н. Трубецкого, создателей Пражского лингвистического кружка. Современные исследования в области когнитивной лингвистики (Дж. Лакофф, Р. Лангакер) синтезируют оба подхода, изучая язык как систему, формирующую и отражающую ментальные процессы.

Формировавшиеся на протяжении долгого времени представления о языке нашли свое отражение в различных словарях. Так, в словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребило, «язык» определен в 5 значениях:

1. (анат.) орган, участвующий в образовании звуков речи, в частности, язычных согласных – самых распространенных в языках мира; 2. (линг.) важнейшее средство общения, знаковый механизм общения; совокупность и система знаковых единиц общения в отвлечении от многообразия конкретных высказываний отдельных людей; 3. в социолингвистике – важнейшее средство человеческого общения, основной объект изучения языкознания. 4. язык (в обобщенном значении) – определенный тип знаковых систем. 5. язык (в конкретном значении) – «идиоэтнический» язык – некая реально существующая знаковая система, используемая в некотором социуме, в некоторое время и в некотором пространстве, представляющая собой конкретную реализацию свойств языка вообще [Жеребило, 2010 с. 473]

Термин «сознание» входит в число ключевых категорий психологической науки, однако в современном представлении его значение неоднозначно.

В Толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, сознание определяется следующим образом: 1) человеческая способность к воспроизведению действительности в мышлении; психическая деятельность как отражение действительности; 2) состояние человека в здравом уме и памяти, способность отдавать себе отчет в своих поступках, чувствах; 3) мысль, чувство, ясное понимание чего-нибудь [Ожегов, Шведова, 1992].

Сознание в понимании А. Н. Леонтьева – это открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния. Первоначально сознание существует лишь в форме психического образа, открывающего субъекту окружающий его мир, деятельность же остается внешней. На более позднем этапе предметом сознания становится также и деятельность: осознаются действия других людей, а через них и собственные действия субъекта [Леонтьев, 1975, с. 75].

Можно сделать вывод, что сознание обладает уникальной способностью к репрезентации действительности, выступая своеобразным «зеркалом», отражающим внешний и внутренний мир на разных уровнях – от чувственного восприятия до абстрактного мышления. Это свойство проявляется в процессе речевой деятельности, которая служит ключевым инструментом для изучения сознания. Речь, будучи продуктом языковых способностей, становится «окном» в ментальные процессы: через анализ вербальных паттернов и текстовых структур можно реконструировать индивидуальную картину мира и выявить особенности поведенческих стереотипов.

Эти аспекты подтверждают неразрывную связь языка и сознания, которая концептуализируется в термине «языковое сознание». Однако в научном дискурсе до сих пор сохраняется терминологическое смешение: понятия «сознание» и «языковое сознание» часто используются как синонимы, хотя первое относится к общей способности психики отражать реальность, а второе – к специфике вербализации этого отражения через призму культурных и языковых кодов.

В статье «Языковое сознание» Е.Ф. Тарасов пишет: «Языковое сознание – совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов, 2004, с. 36]. «Овнешнение» трактуется как процесс, при котором язык выступает инструментом социального обмена информацией, обеспечивая переход внутренних ментальных содержаний во внешнюю, наблюдаемую форму. Однако это явление не подразумевает формирования отдельного «языкового сознания» – речь идет о вербализации общего когнитивного сознания, сохраняющего свою изначальную природу.

Современная лингвистика все больше ориентируется на антропоцентризм, где акцент делается на анализе языка в условиях реального взаимодействия, а не на его абстрактных, «неодушевленных» формах, представленных в справочниках.

Это способствовало углублению изучения психических основ коммуникации, включая структуры ассоциативных полей и вербально-сетевых связей. Именно поэтому под языковым сознанием предлагается понимать совокупность психических механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, то есть психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека. Именно психолингвистика является той наукой, предметом которой является языковое сознание человека.

Термин «психолингвистика» впервые упоминается в 1946 г. американским лингвистом Н. Пронко, но в научный оборот вводится в 1953 г. на семинаре по психологии. Название объединяет греческое *psychē* («душа») и латинское *lingua* («язык»), отражая междисциплинарный характер науки.

Существует несколько определений психолингвистики. Одно из них следующее: психолингвистика – это наука, изучающая процессы речеобразования, а также восприятия и формирования речи в их соотнесенности с системой языка. В этом определении отмечается, что у психолингвистики есть три предметные области: 1) производство речи (в индивидуальном речевом акте); 2) восприятие речи (в индивидуальном речевом акте); 3) формирование речи (в процессе становления личности ребенка). И в каждом случае предполагается, что психолингвистика обращается к тем сторонам этих видов речевой деятельности, которые обусловлены системой языка [Левонюк, 2019, с. 12–13].

Иной взгляд на предмет психолингвистики имеет американский психолог Ч. Осгуд. По его мнению, психолингвистика изучает процессы кодирования и декодирования речевых интенций в коммуникации, связывая намерения говорящего с интерпретацией слушающего.

В свою очередь А.А. Леонтьев предлагает компромиссный взгляд – по его мнению, данная наука изучает соотношение личности со структурой и функциями речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной составляющей образа мира человека – с другой. Тем самым постулируется, что

психолингвистика должна исследовать человеческое измерение языка и речи [Левонюк, 2019, с. 13].

Таким образом, лингвистика концентрируется на анализе системы языковых средств, задействованных в коммуникации. В отличие от нее, психолингвистика смещает акцент с изучения структуры знаковых систем на исследование процессов порождения и интерпретации языковых знаков в сознании человека. Если лингвистика описывает формальные механизмы языка, то психолингвистика, совпадая с ней по объекту (язык как феномен), заимствует методы и предметную область у психологии. Ее цель – понять, как устроено психическое отражение реальности: как формируются речевые высказывания, как воспринимается смысл, как взаимодействуют память, внимание и ассоциативные сети в процессе общения. Это неизбежно порождает вопрос: как наука подходит к анализу языкового сознания?

И.А. Бодуэн де Куртенэ первым предложил изучать живую речь через эксперимент, создав в Казани фонетическую лабораторию. Л.В. Щерба развил эти идеи, основав лабораторию в Петербурге и разработав методологию анализа языковых явлений через «тройкий аспект»: речь, язык и речевую деятельность. Оба ученых рассматривали язык как психический и социальный феномен, заложив основы экспериментальной психолингвистики.

По Р.М. Фрумкиной, в отличие от классической лингвистики, где доминируют наблюдение и интроспекция, в психолингвистике ключевой метод – эксперимент, при этом акцент делается на воспроизводимости и контроле переменных, как в естественных науках [Фрумкина, 2014, с. 18].

Языковое сознание исследуется через семантику языковых единиц, овнешняющих его в процессе номинации и коммуникации с целью выявления психологической реальности. Таким образом, языковое сознание – это часть сознания, обеспечивающая механизмы языковой деятельности: порождение речи, восприятие речи и хранение фактов в языковом сознании.

Языковое сознание изучается экспериментально с помощью ассоциативного эксперимента (далее – АЭ). АЭ позволяет реконструировать

различные связи языковых единиц в сознании и выявлять характер их взаимодействия в различных процессах понимания, хранения и порождения речевых произведений.

1.2. Ассоциативный эксперимент как способ изучения языкового сознания

Ассоциативный подход в лингвистике и психолингвистике получил активное развитие благодаря исследованиям отечественных ученых. А.А. Леонтьев, Ю.Н. Караулов, А.А. Залевская, Н.В. Уфимцева и их коллеги внесли значительный вклад как в развитие теории, так и прикладных аспектов этого направления. Их работы охватывают методологию проведения различных видов АЭ, способов описания полученных результатов и их интерпретацию.

«Словарь ассоциативных норм русского языка» (далее САНРЯ), выпущенный в 1977 году под редакцией А.А. Леонтьева, становится отправной точкой применения ассоциативного эксперимента в качестве основного метода изучения и анализа словесных ассоциаций в отечественной психолингвистике. А. А. Леонтьев в ознакомительной статье указывал, что он «предназначен для преподавания русского языка, в первую очередь, иностранным студентам, поскольку в нем отражены наиболее частые парадигматические связи слов, их значимые синтагматические связи; прежде всего, наиболее близкие для сознания носителя языка связные сочетания, характерные лингво-культурологические связи, знание которых основано на многолетнем речевом опыте носителей языка [Леонтьев, 1977, с. 4–5].

Следующим шагом в развитии экспериментального изучения языкового сознания был выход в 1994 году «Русского ассоциативного словаря» под общей редакцией Ю.Н. Караулова (далее РАС). Он создавался по тому же принципу, что и САНРЯ, но с большим масштабом – в качестве респондентов участие приняли более 11 тысяч человек из всех российских регионов. В него вошли реакции более чем на 6000 слов-стимулов, общее же число реакций составляет более ста тысяч. По мнению главного редактора и автора словаря, Ю.Н.

Караулова, данный труд отражает «коллективное обыденное сознание» носителей языка [Караулов, 1999, с. 2].

Данный словарь состоит из двух томов. Первый том называется «От стимула к реакции» и представляет собой «Прямой ассоциативный словарь», где сначала располагается слово-стимул, а затем реакции респондентов. Словарная статья имеет название стимула и объединяет все слова-реакции на данное слово в порядке убывания частотности. Второй том «От реакции к стимулу» имеет обратный принцип: сначала следуют реакции, а потом слово-стимул, которое вызвало эти реакции.

Ассоциативные словари, созданные на основе данных экспериментов (АЭ), классифицируются по нескольким критериям. Каждый тип имеет уникальные цели и особенности:

1. по объему и структуре данных (частичные и тезаурусные);
2. по аудитории (общие комплексные и отдельные – социокультурных и возрастных групп);
3. по источнику данных (индивидуальные и массовые);
4. по языковому охвату (двуязычные и многоязычные);
5. по тематической направленности (аспектные, функциональные, отраслевые);
6. по структуре поиска (прямые ((в одном направлении «стимул – реакция»)) и двусторонние ((«стимул – реакция» и «реакция – стимул»)).

Рассмотрим виды и методику проведения ассоциативного эксперимента. Традиционно принято выделять три вида ассоциативного эксперимента: свободный, направленный и цепной [Борисова, 2019, с. 267].

Свободный ассоциативный эксперимент

В рамках эксперимента участникам предоставляется полная свобода в формулировании реакций. Им предъявляется список слов-стимулов, на каждое из которых требуется дать первую спонтанную реакцию – будь то отдельное слово, словосочетание или предложение, мгновенно возникающее в сознании в ответ на стимул. Данное правило имеет основополагающий характер.

«Ассоциативная реакция-ответ должна следовать немедленно. Испытуемый не должен думать о том, что ему такое сказать и как отреагировать. Само понятие ассоциативного процесса исключает идею отбора ответов. Если есть отбор – нет ассоциативного процесса в общепринятом в истории психологии смысле» [Фрумкина, 2014, с. 190–191]. А.Н. Леонтьев подчеркивает, что ассоциации, полученные таким способом, подвергаются влиянию двух факторов: «лингвистическому (определенные характеристики слова-стимула) и прагматическому (личность самого испытуемого и его жизненный опыт)» [Леонтьев, 1977, 7].

Направленный ассоциативный эксперимент

Испытуемому предлагается давать ассоциации определенного грамматического или семантического класса (например, подобрать прилагательное к существительному). Анализ результатов данного вида АЭ показывает, что направленность ассоциаций снижает разброс и неопределенность (в силу снятия свободных, ненаправленных реакций), тем самым позволяя уменьшить количество испытуемых в эксперименте при этом получая в итоге надежные данные

Цепной (цепочечный) ассоциативный эксперимент

Испытуемым предлагается реагировать на стимул несколькими ассоциациями – например, дать в течение 20 секунд 10 реакций.

А.Н. Леонтьев считает, что направленный АЭ целесообразнее называть контролируемым. Также предлагается рассматривать цепной АЭ в качестве разновидности свободного АЭ, определяя его как эксперимент с продолжающейся реакцией [там же, 5–6].

Полученные в результате АЭ реакции испытуемых разделяют на *синтагматические* и *парадигматические* ассоциации [Залевская, 2014; Овчинникова, 2002].

В *синтагматических* ассоциациях компоненты ассоциативной пары являются разными частями речи: *небо – голубое, дерево – растет, машина –*

едет. Как правило, результат представляет собой словосочетание, нередко клишированное (*площадь – красная, озеро – Лебединое, правда – горькая*).

Парадигматические ассоциации – слова одной части речи: *стол – стул, мать – отец, весело – грустно, брат – сестра, любовь – ненависть*.

В психолингвистике выделяют также реакции, отражающие:

- родовидовые отношения (*стол – мебель*);
- звуковые ассоциации (*дом – том*);
- ситуационные связи (*кошка – молоко, мышка*);
- клишированные (*мастер – золотые руки*);
- социально-детерминированные (*женщина – мать, хозяйка*).

Ассоциативное поле можно описать как многомерную психолингвистическую модель, функционально организованную и отражающую вербальные ассоциативные связи, выявленные в ходе АЭ. Эта модель выступает как динамический фрагмент языкового сознания, проявляющийся в процессе порождения речи и смысла. Подобно другим полевым структурам, ассоциативное поле иерархично, включая:

- ядро, формируемое наиболее частотными реакциями на слово-стимул (например, для стимула «зима» – *снег, холод*);
- периферию, где располагаются редкие, индивидуальные или контекстно-зависимые ассоциации (например, «зима» → *Новый год, праздник*).

«Получаемое в результате проведения АЭ ассоциативное поле того или иного слова-стимула – это фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов» [Уфимцева, 2014, с. 341].

Таким образом, АЭ служит уникальным инструментом для исследования глубинных механизмов языкового сознания, раскрывая неосознаваемые носителями языка когнитивные паттерны и способы конструирования речи, которые остаются недоступными для традиционных лингвистических методов.

Как подчеркивает Н.В. Уфимцева в работе «Языковое сознание и образ мира славян», ключевое преимущество этого подхода – возможность реконструировать «семантические поля» психики, выявляя объективные связи между словами, которые формируются под влиянием культурного опыта. Эксперимент не только подтверждает синтагматические закономерности, ранее описанные лингвистами (например, устойчивые сочетания вроде «крепкий чай»), но и демонстрирует, как вероятность совместной встречаемости слов в спонтанной речи коррелирует с их ассоциативной близостью. Это позволяет рассматривать ассоциативные реакции как «профиль» коллективного сознания, в котором интегрированы рациональные знания и эмоциональные коннотации, специфичные для конкретной культуры. Например, в русскоязычной среде стимул «зима» часто вызывает реакции «снег» и «холод», тогда как в скандинавских странах добавляются ассоциации «коньки», «лыжи», отражая различия в климатическом и культурном опыте.

Материалы АЭ при изучении того или иного ассоциативного поля открывают новые горизонты для изучения механизмов речевого воздействия, таких как манипуляция через подмену смыслов (например, политические эвфемизмы) или формирование эмоциональных триггеров в рекламе. Они также помогают выявлять скрытые семантические законы, включая динамику языковых изменений: как неологизмы вроде «*краш*» постепенно вытесняют традиционные концепты (*возлюбленный*), или как социализация диалектных слов создает новые ассоциативные цепочки.

Цифровая революция трансформировала методологию АЭ: корпусные технологии и алгоритмы обработки естественного языка (NLP) позволяют анализировать миллионы реакций, выявляя глобальные тенденции. Проекты вроде «Word Embeddings» автоматически определяют ассоциативную близость слов на основе их употребления в больших текстах, дополняя традиционные эксперименты. Онлайн-платформы обеспечивают масштабируемость – сбор данных от тысяч участников по всему миру – и репрезентативность, сохраняя контроль над переменными. Например, во время пандемии COVID-19 такие

инструменты позволили зафиксировать, как ассоциации со словами «изоляция», «карантин» эволюционировали от «скуки», «одиночества» к «цифровому общению» и «дистанционному обучению», отражая адаптацию общества.

Таким образом, ассоциативный эксперимент остается мостом между индивидуальным и коллективным сознанием, связывая лингвистику с современными нейронаукой и антропологией. Его потенциал особенно важен в эпоху глобализации, где понимание культурных различий и универсалий становится ключом к решению проблем межэтнических коммуникаций, образовательных стратегий и даже разработки ИИ, способного имитировать человеческое мышление. Как отмечает Н.В. Уфимцева, именно «через ассоциации язык раскрывает свою двойственную природу – как системы правил и живого отражения духа народа» [Уфимцева, 2000, с. 11].

1.3. Языковое сознание с позиции лингвокультурологии: ментальность и менталитет, культурные концепты

Изучение языкового сознания через призму лингвокультурологии открывает путь к пониманию глубинных связей между языком, мышлением и культурой. Как отмечает Ю.С. Степанов, языковое сознание представляет собой систему ментальных репрезентаций, формируемых под влиянием культурных норм и исторического опыта. Оно служит мостом между «индивидуальным восприятием и коллективной ментальностью – устойчивым слоем мышления, отражающим архетипические модели культуры» [Степанов, 1997, с. 13]. Например, русская ментальность, с ее акцентом на соборность и духовные искания, проявляется в языке через метафоры (*широта души*), фразеологизмы (*авось да небось*) и даже грамматические структуры, такие как безличные конструкции, выражающие фатализм (*так сложилось*).

Понятия ментальности и менталитета занимают центральное место в исследованиях языкового сознания. Согласно А.Я. Гуревичу, ментальность –

это «обобщенный способ восприятия мира, манера чувствовать и думать, характерная для людей определенной эпохи, культуры» [Гуревич, 1984, с. 18]. Менталитет же трактуется как совокупность поведенческих и ценностных паттернов, производных от ментальности [Ле Гофф, 1992, с. 49–50]. В.В. Колесов подчеркивает, что ментальность проявляется через язык, формируя «особый стиль мирозерцания» [Колесов, 2004, с. 56].

В учебнике по лингвокультурологии В.А. Масловой ментальность трактуется как особая форма коллективного сознания, где рациональное мышление неотделимо от эмоциональных реакций, подсознательных установок и культурных шаблонов восприятия. Это своего рода «оптика», через которую общество интерпретирует реальность. Менталитет, согласно автору, выступает структурирующим элементом ментальности – системой, организующей ее содержание под влиянием языка, истории, географии и социокультурного контекста. Он отражает «склад ума» этноса, его глубинные психолингвистические особенности, характерные для конкретной лингвокультурной общности [Маслова, 2001, с. 49].

Таким образом, менталитет можно рассматривать как каркас мировоззрения, определяющий его содержание и структуру, тогда как ментальность – как механизм его реализации в повседневных практиках. Эту позицию развивает В.В. Колесов, уточняя, что ментальность – это «мирозерцание в формах родного языка», синтезирующее интеллект, духовность и волю нации в ее типичных проявлениях [Колесов, 2004, с. 81]. Иными словами, если менталитет задает «грамматику» культурного мышления, то ментальность проявляется в «живой речи» традиций, ценностей и поведенческих реакций. Оба термина, таким образом, взаимодополняют друг друга: менталитет формирует устойчивые коды культуры, а ментальность актуализирует их через язык и социальное взаимодействие.

Эти категории служат основой для культурных концептов – ментальных образований, объединяющих понятийное, образное и ценностное содержание.

Они выполняют роль медиаторов между реальностью вне языка и его системой. Как подчеркивает Н.Д. Арутюнова, концепт превращается в своего рода «контрагента» человеческих отношений: взаимодействуя с окружающим миром и друг с другом, люди осмысливают эти процессы через призму абстрактных понятий, наделенных символической ценностью [Арутюнова, 1991, с. 3]. По определению Ю.С. Степанова, концепт – это «сгусток культуры в сознании человека, через который человек входит в культуру, а иногда и влияет на нее» [Степанов, 1997, с. 40–43].

Культурные концепты структурируют языковую картину мира (далее ЯКМ), выступая посредниками между коллективным опытом и индивидуальным сознанием. Согласно В.А. Масловой, ЯКМ – это «исторически сложившаяся в сознании определенного языкового коллектива система представлений о мире, зафиксированная в языке» [Маслова, 2001, с. 41].

Абстрактные концепты, например, такие как «вечность», занимают особое место в этой системе, так как их содержание определяется не столько денотативным значением, сколько коннотациями, метафорами и культурными кодами, закрепленными в языке через семантические и ассоциативные связи.

Исследование культурных концептов в контексте ассоциативных полей опирается на методологию психолингвистики и лингвокультурологии:

- психолингвистический подход (А.А. Залевская, Н.В. Уфимцева) акцентирует роль ассоциативных экспериментов в выявлении имплицитных знаний о концепте, которые не вербализуются в обыденном сознании;
- лингвокультурологический подход (В.Н. Телия, В.И. Карасик) рассматривает концепт как «культурный код», раскрывающийся через анализ языковых единиц, паремий и дискурсивных практик;
- когнитивный подход (Е.С. Кубрякова, А.П. Бабушкин) фокусируется на механизмах концептуализации, связывающих языковые структуры с ментальными репрезентациями.

В этом контексте ключевым является вопрос о том, как концепты времени и вечности встраиваются в языковое сознание, соотносятся с научными трактовками и функционируют в публицистическом или научно-популярном дискурсе.

1.4. «Время» как культурно-психологический феномен языковой картины мира

Время – универсальная категория бытия, пронизывающая все уровни материального мира и человеческого сознания. Оно выступает неотъемлемым атрибутом существования, определяя длительность процессов, цикличность явлений и саму возможность их познания. Интерес к природе времени объединяет ученых из различных областей знания, однако подходы к его изучению кардинально различаются в зависимости от дисциплинарной парадигмы.

В естественных науках время традиционно рассматривается как объективная физическая величина. Еще И. Ньютон определил время как «абсолютную, истинную длительность», независимую от наблюдателя и равномерно текущую в пустом пространстве [Ньютон, 1989, с. 32]. Переворот в понимании времени совершила теория относительности Альберта Эйнштейна, доказавшего его относительность и связь с пространственно-временным континуумом. Эти открытия заложили основу для квантовой физики, где время приобрело вероятностный характер.

В гуманитарной сфере осмысление времени носит более субъективный характер. Если античные философы (Аристотель, Платон) анализировали время через призму космологии, связывая его с движением небесных тел, то Августин Блаженный в «Исповеди» (IV век) первым поставил вопрос о психологическом восприятии: «Что же такое время? Пока никто меня о том не спрашивает, я понимаю, но стоит объяснить – я теряюсь» [Августин, 1991, с. 242]. Экзистенциалисты XX века (Хайдеггер, Сартр) сместили акцент на связь

времени с человеческим существованием. Мартин Хайдеггер в «Бытии и времени» утверждал, что временность – фундаментальная характеристика бытия в мире: «Человек не “находится” во времени, а сам есть временность, проектирующая себя в будущее» [Хайдеггер, 1997, с. 327].

В культурологии время исследуется как продукт коллективного опыта, отражающий ценности и практики общества. Работы Норберта Элиаса («О понятии времени», 1984) и Йохана Хейзинги («Homo Ludens», 1938) демонстрируют, как ритуалы, праздники и повседневные практики формируют восприятие времени. Например, в средневековой Европе доминировало циклическое время, связанное с церковным календарем и аграрными циклами, тогда в эпоху модерна утвердилось линейное время капитализма, измеряемое часами и расписаниями [Элиас, 2001, с. 15].

Изначально время в лингвистике изучалось как грамматическая категория в рамках функциональной грамматики (А.В. Бондарко, Г.А. Золотова, М.В. Всеволодова). Однако с переходом к антропоцентрической парадигме акцент сместился на связь языка с человеческим сознанием. Работы Ю.Н. Караулова о языковой личности, исследования языковой картины мира (Г.А. Брутян) и влияние культурных кодов (В.Н. Телия, Н.Д. Арутюнова) позволили рассматривать время как когнитивную категорию и культурный концепт, интегрированный в систему национального мировосприятия.

Каждая культура обладает уникальной системой восприятия времени, что играет ключевую роль в межкультурной коммуникации. Э. Холл выделяет два типа культур.

Монохронные (США, Германия, Скандинавия):

- время линейно («прошлое → будущее»), его можно «тратить» или «экономить»;
- деятельность последовательна: одна задача за определенный промежуток;
- ценятся пунктуальность, планомерность, недопустимость прерываний.

Полихронные (Латинская Америка, Ближний Восток):

- время воспринимается как многозадачный процесс, где события переплетаются;
- гибкость: параллельное выполнение дел, изменение планов, акцент на межличностные отношения;
- пунктуальность зависит от контекста общения, а не расписания.

Помимо монохронности и полихронности, культуры различаются по философско-психологическому восприятию времени. Выделяют линейное и циклическое восприятие времени. Для представителей Западной культуры время линейно, разделено на прошлое, настоящее и будущее. Преобладает акцент на прогрессе, планировании и достижении целей. С циклической точки зрения время воспринимается в Восточных культурах, где время длится циклами, важны гармония с природой и традициями.

Лингвисты и культурологи неоднократно подчеркивали, что в русском языковом сознании доминирует концепция времени как плавного, протяженного потока, а не дискретных отрезков. Эта особенность проявляется в уникальных пословицах и поговорках, закрепившихся в речи: «русский час» (неопределенная длительность: «Русский час долог – много воды утечет»); «московский час» (ожидание с оттенком иронии: «Подожди с московский час»); «деревенский месяц» (условность временных рамок: «Деревенский месяц – с неделей десять»). Так, фольклорные параллели усиливают идею темпоральной неоднозначности. Также пословицы акцентируют контраст между русским и западным восприятием времени: «Русский месяц – со днем тридцать, а немецкому и конца нет».

Например, «в традиционной народной культуре славян время оценивается строго полярно, только со знаком плюс или минус: оно может быть чистым, добрым, веселым и нечистым, опасным, злым, печальным. Хорошее время приносит человеку здоровье, счастье, богатство, успех, а плохое – болезнь, неудачу, нужду, горе... Солнечный календарь определял годовой (сезонный) и дневной (суточный) циклы, а лунный регламентировал время в пределах месячного и недельного циклов» [Михеева, 2016, с. 60].

Эти выражения отражают не столько буквальную длительность, сколько философию отношения ко времени как к гибкой, ситуативно обусловленной категории. Как отмечает Е.С. Яковлева, подобные конструкции формируют «наивную хронологию», где точность уступает место эмоциональной оценке, что характерно для культур с аграрным прошлым и циклическим мировосприятием [Яковлева, 1994, с. 89].

Концепт «вечность» относится к числу трансцендентальных универсалий, однако его наполнение культурно специфично. В русской лингвокультуре он исторически связан с христианской эсхатологией. Как показывает исследование Е.С. Яковлевой, представленное в книге «Фрагменты русской языковой картины мира (Модели пространства, времени и восприятия)», в русском языковом сознании «вечность» ассоциируется с:

- духовными категориями: «Бог», «душа», «бессмертие» (по мнению автора, «именно духовный путь открывает возможность соприкоснуться с вечностью еще на земном пути») [Яковлева, 1994, с. 88–89];
- количественным измерением времени (базирующимся на материалистическом восприятии мира без бога): «вечность – бесконечность времени существования материального мира, обусловленная несотворимостью и неуничтожимостью материи, ее атрибутов [ФЭС, 1989, с. 87].

Причем «количественная» вечность не отмечена в сознании носителей языка позитивной оценкой. «Сфера ее описаний не имеет ограничений. Скорее даже вечность-бесконечность тяготеет к отрицательному оценочному полюсу» [Яковлева, 1994, с. 90].

В китайской традиции, основанной на даосизме и буддизме, *вечность* концептуализируется через циклические модели. По данным Чжан Ли, в ассоциативных экспериментах китайские студенты связывают ее с:

- природными циклами: «времена года», «Инь-Ян», «смена Луны и Солнца»;

- социальной преемственностью: «предки», «традиции», «уважение», «семья» [Чжан Ли, 2018].

Различия в ассоциациях отражают глубинные ментальные установки. Так, в русской ментальности доминирует линейное восприятие времени, восходящее к христианскому православному опыту. Также выделяется акцент на индивидуальности с такими категориями, как «память» и «любовь», которые противопоставлены коллективному «история».

Что касается китайской ментальности, то в ней доминирует циклическая модель времени, связанная с даосской философией, а ключевым концептом является «гармония» как баланс противоположностей – «Инь-Ян».

Эти различия подтверждаются данными корпусных исследований. Например, если в Национальном корпусе русского языка (далее НКРЯ) слово «вечность» чаще встречается в религиозных и философских текстах, то в китайском корпусе (далее ВСС) – в контекстах, описывающих природные явления и традиции (см. Таблицу 1.1).

Таблица 1.1 – Частотность контекстов «вечность» в русском и китайском корпусах.

Контекст	НКРЯ (%)	ВСС (%)
Природа/цикличность	18	55
Религия/философия	62	28
Социальная преемственность	12	17

Теория ментальности и культурных концептов объясняет, почему, русские студенты актуализируют индивидуально-эмоциональные аспекты вечности, а китайские студенты фокусируются на коллективно-природных ассоциациях.

Таким образом, исследование ассоциативного поля «вечность» в русском и китайском языковом сознании опирается не только на теоретический фундамент психолингвистики, но и на теоретический опыт

лингвокультурологии. Культурные концепты, формируемые ментальностью, определяют специфику ассоциативных связей: русские ассоциации отражают линейное время и индивидуализм, в то время, как китайские ассоциации акцентируют цикличность и коллективизм.

Теоретическое осмысление ментальности, менталитета и культурных концептов создает основу для анализа ассоциативного поля «вечность» в русском и китайском языковом сознании. Культурные концепты, будучи продуктом исторически сложившейся ментальности, аккумулируют в себе ценностные, философские и социальные смыслы, которые проявляются через ассоциативные связи. Изучение этих связей позволяет реконструировать культурно-специфические модели восприятия абстрактных категорий, раскрывая роль языка как зеркала коллективного сознания.

Эти различия закрепляются в языке через устойчивые метафоры, фразеологию и ассоциативные связи, формируя уникальные лингвокультурные модели концепта.

Выводы к главе 1

Языковое сознание, как ключевой объект исследования психолингвистики, представляет собой систему взаимосвязей между языковыми структурами, когнитивными процессами и культурным опытом. Психолингвистика, будучи междисциплинарной наукой, раскрывает механизмы порождения и восприятия речи, а также роль языка в формировании мышления. Труды А.А. Леонтьева, Ю.Н. Караулова и А.А. Залевской подчеркивают, что языковое сознание не только отражает индивидуальный опыт, но и опосредуется коллективными культурными кодами.

Ассоциативный эксперимент исторически доказал свою эффективность в выявлении глубинных связей между языковыми единицами и ментальными репрезентациями. Этот метод позволяет фиксировать как универсальные, так и культурно-специфические ассоциации, демонстрируя, например, разницу в восприятии абстрактных концептов (таких как «вечность») у носителей разных

языков. Работы Н.В. Уфимцевой и Ю.Н. Караулова подтверждают, что ассоциативные поля служат «окном» в языковую картину мира, отражая неосознаваемые паттерны мышления.

Культурные концепты, формирующиеся под влиянием ментальности и менталитета, выступают смысловыми узлами, связывающими язык с коллективным опытом. Ментальность, как система глубинных когнитивных установок, и менталитет, как совокупность поведенческих паттернов, определяют специфику культурных концептов. Например, концепт «вечность» в русской традиции актуализирует духовные ценности, тогда как в китайской – природные циклы. Исследования В.А. Масловой, Ю.С. Степанова, Е.С. Яковлевой подчеркивают, что эти концепты структурируют языковую картину мира, выступая медиаторами между индивидуальным и коллективным сознанием.

Время, будучи универсальной категорией, приобретает культурно-обусловленные черты в языковом сознании. В русской лингвокультуре доминирует линейное восприятие времени с эсхатологическим уклоном, тогда как в китайской – циклическое, связанное с даосско-буддийскими традициями. Теория лингвистической относительности (Сепир-Уорф) и работы Е.С. Яковлевой демонстрируют, как грамматические и лексические средства языка кодируют темпоральные концепты, влияя на их интерпретацию.

Представленные параграфы формируют единую теоретическую базу для изучения языкового сознания, объединяя методы психолингвистики, анализ культурных концептов и кросс-культурные исследования. Ассоциативный эксперимент, в сочетании с пониманием ментальности и специфики темпоральных категорий, позволяет выявить, как язык отражает и формирует когнитивные процессы. Эти выводы создают основу для эмпирического исследования ассоциативного поля «вечность», демонстрируя необходимость учета культурного контекста и междисциплинарного подхода.

Глава 2. Описание ассоциативного поля «вечность» в языковом сознании русских и китайских студентов

2.1. Анализ реакций на стимул «вечность» русских и китайских студентов

Материал для исследования в магистерской диссертации получен с помощью метода цепочечного ассоциативного эксперимента. Для русских и китайских студентов он проводился в очном формате через анкетирование.

Испытуемым предлагалось зафиксировать свой возраст, пол и в течение определенного времени (3-5 минут для китайских и 1-2 минуты для русских респондентов) записать слова-реакции на слово-стимул «вечность».

Китайские студенты записывали ассоциации на родном языке, затем реакции переводились на русский язык. Это было необходимо для чистоты проведения эксперимента: во-первых, китайские студенты не всегда могут быстро найти русский эквивалент китайским словам; во-вторых, время, затраченное на перевод, может негативно повлиять на результаты эксперимента. В этом случае нарушается суть «ассоциации» – требования не думать, записывая первое «пришедшее на ум».

Цепочечный ассоциативный эксперимент обладает рядом методических преимуществ. Первое, что стоит отметить – строгий временной лимит на реакцию минимизирует влияние сознательного контроля, позволяя фиксировать спонтанные связи между словами. Это дает возможность «... вскрыть объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов» [Славянский ассоциативный словарь, 2004, с. 4], что критически важно для реконструкции психологически значимых элементов языковой картины мира.

Более того, метод исключает эффект группового влияния, так как испытуемые дают индивидуальные реакции. Это особенно ценно при анализе китайской лингвокультуры, где восприятие мира глубоко связано с иероглифической системой письма, формирующей уникальные когнитивные паттерны. Такая дифференциация данных повышает точность исследования.

Итак, эксперимент выявляет неосознаваемые ассоциативные связи, отражающие автоматические психические процессы. Это позволяет не только определить актуальные для индивида вербальные цепочки, но и реконструировать «чувственно-интеллектуальные знания этноса» [Славянский ассоциативный словарь, 2004, с. 5], закрепленные в языке. Например, в китайском языке ассоциации, связанные с иероглифами, часто опираются на визуальные или культурные компоненты, что раскрывает специфику национального мышления.

Русские студенты являются носителями того языка, на котором проводился ассоциативный эксперимент.

2.1.1. Анализ реакций на стимул «вечность» русских студентов

Испытуемые – студенты 2 и 3 курса филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева, имеющие неполное высшее образование или среднее специальное образование. Большинство респондентов женского пола. Всего опрошено 53 человека (47 – женского пола, 6 – мужского пола).

Таблица 2.1 – Сведения о русских респондентах.

Количество участников АЭ	Возраст	Образование
53 человека, из них 47 – женского пола, 6 – мужского пола.	19 лет – 26	Неполное высшее – 35 Высшее – 8 Среднее специальное – 10
	20 лет – 17	
	21 год – 1	
	22 года – 1	
	23 года – 3	
	24 года – 4	
	36 лет – 1	

Всего получено **426** реакций. Наибольшее количество реакций от одного респондента – 17, наименьшее – 2. Ассоциации, которые не были расшифрованы вследствие неразборчивого написания, решено считать за отсутствие ответа (таких реакций было 10).

Русскими респондентами на слово-стимул «вечность» даны следующие реакции: *жизнь, время, любовь, бесконечность, космос, вселенная, бытие, бессмертие, смерть, долго, пространство, мир, постоянство, свет, красота, природа, счастье, память, страх, душа, искусство, звезды, молодость, деньги, земля, друзья, будущее, море, бог, пыль, навсегда, темнота, судьба, долготы, вампиры, вечная жизнь, неизменность, неизвестность, поколение, поток, история, Толстой, небо, человек, необъятность, музыка, тяжесть, радость, песок, мама, солнце, семья, добро, долголетие, дружба, апатия, биполярность, бессилие, бремя, года, век, часы, песочные часы, первозданность, фиолетовый, ничего, страдание, пустота, бездна, дорога, небытие, незабытие, неосязаемое, невозможность, вампиризм, воспоминания, восемь, тяготы, потери, путь, принятие, потомство, перерождение, разум, рождение, забвение, осознание, опустошенность, толпа, толщина, тревожность, тоска, тревога, грусть, сансара, спокойствие, скука, сердце, ожидания, существование, холод, лед, лето, луна, люди, пламя, жить, умиротворение, даль, черная дыра, фильм, эксперимент, Маяковский, музей, значимость, очень долго, шумит, долгий шум, тяготит; букв больше, чем звуков; грозы, корабль, рай, непонимание, муки, ожидания, секунда, отстраненность, отчужденность, молния, горе, утрата, абсолют, прохлада, бриз, простор, Снежная Королева, мгновение, перевернутая восьмерка, непрерывность, ад, бранный мир, старина, быстротечность, незыблемость, камень, на одном месте, чувства, бабушка, дедушка, родной поселок, смысл, дети, океан, огонь, день, саморазвитие, дом, стол, стул, карьера.*

Все полученные реакции принадлежат к следующим частям речи: имя существительное (138), имя прилагательное (3), глагол (3), наречие (3), количественное числительное (1).

Среди реакций имен существительных значимую долю составляют отвербальные и отадективные существительные. Так, с позиции семантики в языковом сознании русских респондентов «вечность» реализуется в предметном, признаковом и процессуальном качестве.

По характеру связи со словом стимулом «вечность» получено: 10 синтагматических реакций (*долго, навсегда, ничего, фиолетовый, восемь, шумит, тяготит, шумит, жить* и др.), 138 парадигматических реакций (*жизнь, время, любовь, бесконечность, космос, вселенная, бытие, бессмертие, смерть* и т.п.) и 11 фразовых (*вечность – вечная жизнь, черная дыра, очень долго, долгий шум, бранный мир, родной поселок, на одном месте, перевернутая восьмерка* и т.д.).

Парадигматические реакции можно разделить на группы:

1) ассоциации, которые выражают синонимические отношения: *бесконечность – постоянство; долголетие – век; жизнь – бытие; страх – тревога – тревожность; горе – потери – муки – тяготы; грусть – уныние – тоска* и др.

2) ассоциации, которые выражают антонимические отношения: *жизнь – смерть; рай – ад; радость – грусть; счастье – горе; земля – небо; бесконечность – мгновение* и т.д.

3) ассоциации, которые выражают родо-видовые отношения: *время – век – года – час – секунда;*

4) ассоциации, которые выражают ситуационные связи: *бессмертие – вампиры – долголетие; утрата – потеря – горе – бездна;*

Большинство полученных реакций составляют нейтральные ассоциации (71), негативные ассоциации занимают второе место по частотности – их 34. Позитивных реакций получено 25.

Ассоциативные реакции подвергнуты количественному и качественному анализу. В подсчитано, сколько речевых реакций на слово-стимул «вечность» образовали ядро, околоядерную зону и периферию ассоциативных полей. Ядро ассоциативного поля составляют наиболее частотные реакции. В околоядерную

зону включены реакции, которые встречались более одного раза. Периферию ассоциативных полей составили единичные ответы. Ассоциативные реакции русских студентов представлены в таблице 2.2.

Таблица 2.2 – Ассоциативные реакции русских студентов на стимул «вечность».

Ассоциативные реакции	Ядро ассоциативного поля	Околоядерная зона	Периферия ассоциативного поля
Жизнь	27		
Время	18		
Любовь	16		
Бесконечность	13		
Космос	10		
Вселенная		9	
Бытие		9	
Бессмертие		8	
Смерть		7	
Долго		6	
Пространство		5	
Мир		5	
Постоянство		4	
Свет		4	
Красота		4	
Природа		4	
Продолжение таблицы 2.2.			
Счастье		4	
Память		3	
Страх		3	

Душа		3	
Искусство		3	
Звезды		3	
Молодость		3	
Деньги		3	
Земля		3	
Друзья		3	
Будущее		2	
Море		2	
Бог		2	
Пыль		2	
Навсегда		2	
Темнота		2	
Судьба		2	
Долгота		2	
Вампиры		2	
Вечная жизнь		2	
Неизменность		2	
Неизвестность		2	
Поколение		2	
Поток		2	
История		2	
Толстой		2	
Небо		2	
Человек		2	
Продолжение таблицы 2.2.			
Необъятность		2	
Музыка		2	
Тяжесть		2	

Радость		2	
Песок		2	
Мама		2	
Солнце		2	
Семья		2	
Добро		2	
Долголетие		2	
Дружба		2	
Апатия			1
Биполярность			1
Бессилие			1
Время			1
Года			1
Век			1
Часы			1
Песочные часы			1
Первозданность			1
Фиолетовый			1
Ничего			1
Страдание			1
Пустота			1
Бездна			1
Дорога			1
Небытие			1
Незабытие			1
Продолжение таблицы 2.2.			
Неосязаемое			1
Невозможность			1
Вампиризм			1

Воспоминания			1
Восемь			1
Тяготы			1
Потери			1
Путь			1
Принятие			1
Потомство			1
Перерождение			1
Разум			1
Рождение			1
Забвение			1
Осознание			1
Опустошенность			1
Толпа			1
Толщина			1
Тревожность			1
Тоска			1
Тревога			1
Грусть			1
Сансара			1
Спокойствие			1
Скука			1
Сердце			1
Ожидания			1
Существование			1
Продолжение таблицы 2.2.			
Холод			1
Лед			1
Лето			1

Луна			1
Люди			1
Пламя			1
Жить			1
Умиротворение			1
Даль			1
Черная дыра			1
Фильм			1
Эксперимент			1
Маяковский			1
Музей			1
Значимость			1
Очень долго			1
Шумит			1
Долгий шум			1
Тяготит			1
Букв больше, чем звуков			1
Грозы			1
Корабль			1
Рай			1
Непонимание			1
Муки ожидания			1
Секунда			1
Отстраненность			1
Продолжение таблицы 2.2.			
Отчужденность			1
Молния			1
Горе			1

Утрата			1
Абсолют			1
Прохлада			1
Бриз			1
Простор			1
Снежная королева			1
Мгновение			1
Перевернутая восьмерка			1
Бесперывность			1
Ад			1
Бренный мир			1
Старина			1
Быстротечность			1
Незыблемость			1
Камень			1
На одном месте			1
Чувства			1
Бабушка			1
Дедушка			1
Родной поселок			1
Смысл			1
Дети			1
Океан			1
Огонь			1
День			1
Саморазвитие			1
Дом			1

Стол			1
Стул			1
Карьера			1

Таким образом, ядро ассоциативного поля «вечность» у русских студентов составляют такие слова, как *жизнь* (27), *время* (18), *любовь* (16), *бесконечность* (13), *космос* (10). В околоядерной зоне наиболее частотными являются реакции *вселенная* (9), *бытие* (9), *бессмертие* (8), *смерть* (7), *долго* (6).

Полученные реакции можно разделить на следующие тематические группы: 1) *временные*, 2) *религиозно-философские*, 3) *природно-стихийные*, 4) *психоэмоциональная сфера*, 5) *социально-этические*, 6) *культурно-символические*, 7) *предметно-бытовые*.

1) К категории «временные ассоциации» относятся следующие реакции русских студентов: *время, долго, век, года, час, секунда, песочные часы, мгновение, быстротечность, будущее, долгота, неизменность, старина, цикличность*.

Реакции, связанные с временными категориями, отражают восприятие длительности, цикличности и исторической преемственности в той или иной культуре. Как отмечает М. Хайдеггер, время – это «горизонт понимания бытия», структурирующий человеческий опыт [Хайдеггер, 1986, с. 106]. Более того, по мнению ученого «вечность – бесконечно растянутая пустота голого количества» [Хайдеггер, 1986, там же]. В этом контексте такие ассоциации, как *песочные часы, быстротечность, мгновение* символизируют необратимость времени, что коррелирует с идеей «бренности мира» в православной традиции.

2) Группу религиозно-философских ассоциаций составляют следующие реакции: *Бог, душа, бессмертие, вечная жизнь, рай, ад, судьба, небытие, смысл, бытие, первозданность, бесконечность, космос, вселенная, Сансара, рождение, цикличность, перерождение, неосязаемое, бренный мир, забвение, абсолют, незыблемость, первозданность, неизменность*.

Эти реакции связаны с трансцендентными категориями и метафизическими концептами. Н.Д. Арутюнова указывает, что религиозные термины, такие как *Бог, рай, ад*, выступают «языковыми конденсатами культуры», связывая рациональное и иррациональное [Арутюнова, 1999, с. 35]. Концепты *Сансара* и *перерождение*, хотя и заимствованы из восточных традиций, в русском сознании приобретают новое звучание, отражая интерес к глобальным философским системам.

3) В группу природно-стихийных ассоциаций входят следующие реакции: *природа, земля, море, поток, огонь, лед, пламя, грозы, молния, песок, луна, солнце, звезды, космос, вселенная, океан, простор, прохлада, холод, бриз, черная дыра, небо, вода, ветер, камень.*

Природные образы (*море, огонь, космос, песок*) отражают связь языкового сознания с архетипическими стихиями. Как показывают исследования, природа в языковой картине мира не является нейтральным фоном – она выступает активным участником взаимодействия с человеком. Концепт «космос» объединяет научное и мифологическое понимание, что иллюстрирует метафорическую основу мышления: например, огонь интерпретируется не только как природная стихия, но и как символ страсти или духовного очищения. Ассоциации вроде «черная дыра» или «поток» демонстрируют проникновение научной терминологии в повседневное языковое сознание.

4) Реакции из категории «психоэмоциональная сфера» также получили большое распространение среди русских студентов: *любовь, страх, радость, грусть, тревога, тоска, счастье, апатия, бессилие, страдание, спокойствие, умиротворение, скука, горе, утрата, ожидания, муки, отчужденность, тревожность, чувства, осознание, пустота, бездна, тяготы, бремя, тяжесть, принятие.*

В данной группе сфокусировано наибольшее количество негативных реакций, таких как *страх, пустота, бездна, горе, потери, бессилие, страдание.* Данный факт говорит о том, что концепт «вечность» с позиций человеческой

психики отзывается в сознании русских студентов строго отрицательно. Как отмечает А.А. Залевская, абстрактные категории времени часто актуализируют экзистенциальные страхи, связанные с конечностью бытия: «Вечность, лишенная временных границ, воспринимается как угроза индивидуальному существованию, вызывая тревогу и отчуждение» [Залевская, 2005, с. 89].

5) Социально-этические ассоциации воплощены в следующих реакциях русских студентов: *дружба, добро, семья, потомство, мама, друзья, люди, толпа, деньги, карьера, дом, дети, родной поселок, поколение, долголетие, история, значимость, саморазвитие, путь (как жизненный выбор)*.

Эти реакции связаны с ценностями и нормами социального взаимодействия. Ассоциации русских студентов отражают диалектику традиционного и современного. С одной стороны, сохраняется ориентация на коллективные ценности (*семья, дружба, долголетие как продолжение рода*). С другой – усиливается фокус на индивидуализм (*карьера, саморазвитие*), что характерно для динамично меняющегося общества.

Интересно противоречие между реакциями *деньги* и *добро*: материальный успех соседствует с этическими идеалами, что может указывать на поиск баланса между прагматизмом и духовностью. Ассоциация *путь* как жизненный выбор подчеркивает рефлексию о самоопределении в условиях множества социальных ролей.

6) Культурно-символические ассоциации (объекты, имеющие как определенные физические характеристики, так и знаковое, символическое содержание) содержат следующие реакции: *искусство, музыка, фильм, музей, Маяковский, эксперимент, восемь, перевернутая восьмерка, Толстой, Снежная Королева*.

Реакции, связанные с искусством и символами, подчеркивают роль культуры в структурировании сознания русских студентов. Упоминание «Толстого», «Маяковского» и «Снежной Королевы» отражает влияние литературы на формирование ценностей – *Толстой* как символ нравственного

поиска, противостояния внутренних противоречий; *Снежная Королева* – метафора отчуждения и преодоления эмоциональных барьеров.

7) Предметно-бытовые ассоциации получили наименьшее распространение среди русских студентов: *дом, стол, стул, корабль, камень*

Бытовые реакции демонстрируют связь языка с повседневным опытом. Особо выделяющейся на фоне остальных является ассоциация *дом*, которая может символизировать не только физическое пространство, но и эмоциональную безопасность.

Проведенное исследование ассоциативного поля «вечность» в языковом сознании русских студентов выявило ряд закономерностей, отражающих глубокую связь языка, культуры и ментальности. Распределение реакций по тематическим группам позволяет сделать следующие выводы:

- наибольшую смысловую нагрузку несут реакции, связанные с психоэмоциональной сферой (*страх, пустота, горе*), религиозно-философскими концептами (*Бог, ад, рай*), природно-стихийными (*море, песок, луна, космос*) ассоциациями. Это свидетельствует о том, что «вечность» в русском сознании воспринимается как категория, провоцирующая экзистенциальную рефлексия;

- концепт демонстрирует полярность реакций: с одной стороны, он ассоциируется с трансцендентным (*рай, бессмертие*), с другой – с угрозой индивидуальному существованию (*смерть, небытие*). Эта амбивалентность отражает противоречие между христианской идеей спасения и экзистенциальным страхом перед бесконечностью.

- ассоциации из категории *культурно-символические* (*Толстой, Снежная Королева, восемь*) говорят о том, что символы хранят память культуры. Эти реакции отражают влияние литературы, фольклора и научного дискурса на формирование языкового сознания.

Ассоциативное поле «вечность» в языковом сознании русских студентов выступает сложным конструктом, где пересекаются религиозные, философские и эмоциональные смыслы. Его структура отражает как универсальные

когнитивные механизмы, так и уникальные черты русской ментальности, сформированной под влиянием истории, литературы и духовных традиций. Дальнейшее исследование ассоциативного поля «вечность» в языковом сознании китайских студентов позволит выявить кросс-культурные универсалии и различия, что дополнит общую картину полученных результатов.

2.1.2. Анализ реакций на стимул «вечность» китайских студентов

Испытуемые – китайские студенты 2 и 3 курса филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева, имеющие неполное высшее образование. Большинство респондентов женского пола. Всего опрошено 50 человек (40 – женского пола, 10 – мужского пола). Данные о китайских респондентах представлены в таблице 2.3.

Таблица 2.3 – Сведения о китайских респондентах.

Количество участников АЭ	Возраст	Образование
50 человек, 40 – женского пола, 10 – мужского пола.	18 лет – 2	Неполное высшее – 44 Высшее – 2 Среднее специальное – 4
	19 лет – 5	
	20 лет – 6	
	21 год – 14	
	22 года – 12	
	23 года – 5	
	24 года – 4	
	29 лет – 1	
	47 лет – 1	

Всего получено около 320 реакций. Для объективности и достоверности анкетирования китайские студенты записывали реакции сначала на родном

языке, а затем давали перевод на русский язык. Наибольшее количество реакций от одного респондента – 9, наименьшее – 1. Ассоциации, которые не были расшифрованы вследствие неразборчивого написания, решено считать за отсутствие ответа (таких реакций было 2).

Китайскими респондентами даны следующие реакции: *любовь, бриллиант, время, навсегда, бесконечность, жизнь, вечная жизнь, богатство, вселенная, карьера, дружба, успех, космос, дух, гармония, друг, семья, течение, память, молодость, солнце, золото, деньги, родители, уважение, признание, спокойствие, чувство, вода, ветер, равновесие, огонь, лето, Луна, существовать, семейные узы, быть неизменным, удача, философия, воля, история, миг, эпоха, долгий как небо и постоянный как земля, остановить, традиция, эмоция, закон, болезнь, наука, отношения, связь, идея, знание, неизменность духа и мира, час, длинный, долгий, всё, дракон, технология, исследование, земля, выгода, я, проект, сосед, закон, кино, Калинка, суть, скоро, осень, монах, серьга, неделя, луч, учиться.*

Все полученные реакции можно разделить по частеречной принадлежности: имя существительное (73), имя прилагательное (2), глагол (3), наречие (2), местоимение (2).

Как и в ответах русских респондентов, большинство реакций выражено именами существительными, в том числе отвербальными и отадъективными. Таким образом, с точки зрения семантики в языковом сознании китайских информантов стимул «вечность» реализуется в предметном, признаковом и процессуальном значениях.

По характеру связи со словом-стимулом «вечность» получено: 9 синтагматических реакций (*навсегда, существовать, остановить, всё, я, скоро, учиться* и др.), 73 парадигматических реакций (*любовь, бриллиант, время, бесконечность, жизнь, богатство* и т.п.) и 5 фразовых (*вечность – вечная жизнь, семейные узы, быть неизменным, долгий как небо и постоянный как земля, неизменность духа и мира*).

Парадигматические реакции можно разделить на группы:

1) ассоциации, которые выражают синонимические отношения: *спокойствие – равновесие; долгий – длинный;*

2) ассоциации, которые выражают родо-видовые отношения: *семья – родители, богатство – деньги, золото; наука – философия.*

3) ассоциации, которые выражают ситуационные связи: *дружба – друг; карьера – успех, признание; технология – исследование, проект.*

Большинство полученных реакций составляют нейтральные ассоциации (53), положительные ассоциации занимают второе место по частотности – их 15. Отрицательных реакций получено 2.

Ассоциативные реакции были подвергнуты качественному анализу. Проанализировано, сколько речевых реакций на слово-стимул «вечность» образовали ядро, околоядерную зону и периферию ассоциативных полей. Ядро ассоциативного поля составляют наиболее частотные реакции. В околоядерную зону включены реакции, которые встречались более одного раза. Периферию ассоциативных полей составили единичные ответы. Ассоциативные реакции китайских студентов представлены в таблице 2.4.

Таблица 2.4 – Ассоциативные реакции китайских студентов на стимул «вечность».

Ассоциативные реакции	Ядро ассоциативного поля	Околоядерная зона	Периферия ассоциативного поля
Любовь	16		
Бриллиант	12		
Время	11		
Навсегда	10		
Бесконечность	10		
Жизнь		8	
Вечная жизнь		7	

Продолжение таблицы 2.4.			
Богатство		7	
Вселенная		6	
Карьера		5	
Дружба		4	
Успех		4	
Космос		4	
Дух		4	
Память		4	
Гармония		4	
Друг		4	
Течение		4	
Семья		3	
Молодость		3	
Солнце		3	
Золото		3	
Деньги		3	
Спокойствие		3	
Родители		3	
Чувство		3	
Вода		3	
Ветер		3	
Равновесие		3	
Существовать		3	
Луна		3	
Семейные узы		3	
Быть неизменным		3	
Философия		3	

Продолжение таблицы 2.4.			
Воля		2	
История		2	
Миг		2	
Огонь		2	
Долгий как небо и постоянный как земля		2	
Эпоха		2	
Уважение		2	
Признание		2	
Остановить			1
Эмоция			1
Закон			1
Болезнь			1
Наука			1
Отношения			1
Связь			1
Традиция			1
Идея			1
Удача			1
Знание			1
Неизменность духа и мира			1
Час			1
Длинный			1
Долгий			1
Всё			1
Дракон			1

Продолжение таблицы 2.4.			
Технология			1
Исследование			1
Земля			1
Выгода			1
Я			1
Проект			1
Сосед			1
Закон			1
Кино			1
Калинка			1
Суть			1
Скоро			1
Осень			1
Монах			1
Серьга			1
Неделя			1
Луч			1
Учиться			1

Таким образом, ядро ассоциативного поля «вечность» у китайских студентов состоит из таких слов, как *любовь* (16), *бриллиант* (12), *время* (11), *бесконечность* (10), *навсегда* (10). В околядерной зоне наиболее частотными являются реакции *жизнь* (8), *вечная жизнь* (7), *богатство* (7), *вселенная* (6), *карьера* (5).

Полученные реакции можно разделить на следующие тематические группы: 1) временные, 2) религиозно-философские, 3) природно-стихийные, 4) психоэмоциональная сфера, 5) социально-этические, 6) материально-ценностные, 7) интеллектуально-научные.

1) К категории «временные ассоциации» относятся следующие реакции китайских студентов: *время, навсегда, неделя, час, миг, длинный, долгий, скоро, долгий как небо и постоянный как земля, эпоха, история.*

Эти реакции отражают специфику восприятия времени в китайской лингвокультуре, где доминирует циклическая модель, связанная с даосско-буддийскими традициями и конфуцианским акцентом на природных ритмах. Конкретные временные единицы (*неделя, час, миг*) демонстрируют ориентацию на практическое измерение времени, что коррелирует с идеей «времени-ресурса» в современном китайском обществе. Как отмечает Чжан Ли, в китайском языке отсутствуют грамматические времена глаголов, что компенсируется лексическим богатством для обозначения временных отрезков [Zhang, 2019]. Абстрактные концепты (*навсегда, долгий, скоро*) связаны с философским осмыслением вечности. Например, сочетание «*долгий как небо и постоянный как земля*» в китайских пословицах подчеркивает связь вечности с природными циклами, а не с линейной эсхатологией.

2) Группу религиозно-философских ассоциаций составляют следующие реакции: *вечная жизнь, бесконечность, дух, гармония, вселенная, равновесие, философия, традиция, неизменность духа и мира, всё, монах.*

Эти ассоциации отражают синтез традиционных философских учений (даосизм, конфуцианство, буддизм) и современных духовных поисков, характерных для китайской культуры. Здесь можно встретить как реакции, относящиеся к даосским корням, где *гармония* и *равновесие* восходят к концепции «Инь-Ян», а вечность понимается как динамический баланс противоположностей, так и реакции, сочетающие в себе буддийское влияние (*монах*) и конфуцианские ценности (*всё, традиция*).

3) В группу природно-стихийных ассоциаций входят следующие реакции: *космос, течение, Солнце, вода, ветер, огонь, Луна, долгий как небо и постоянный как земля, земля.*

Данные ассоциации отражают глубокую связь китайской ментальности с природными циклами и стихиями, которые в традиционной философии

воспринимаются как основа мироздания. Например, *Солнце* и *Луна* символизируют в китайской культуре дуализм «Инь-Ян», где их вечное чередование олицетворяет гармонию противоположностей. *Космос* ассоциируется с «Дао» – всеобщим законом, который, по словам китайских исследователей, «рождает Небо и Землю, но сам не рождается и не умирает». *Вода* и *ветер* в даосизме олицетворяют гибкость и текучесть, ключевые для понимания вечности. Конфуцианские тексты подчеркивают, что «вода, точащая камень, – это вечность в действии»

4) Реакции из категории «психоэмоциональная сфера» также получили большое распространение среди китайских студентов: *любовь, успех, гармония, память, уважение, признание, спокойствие, чувство, равновесие, воля, эмоция, отношения, идея.*

В данной группе сфокусировано наибольшее количество положительных реакций, таких как *любовь, признание, уважение, гармония.* Данный факт говорит о том, что концепт «вечность» с позиций человеческой психики отзывается в языковом сознании китайских студентов с положительной стороны (чего нельзя сказать о русских информантах, у которых преобладают тревожные ассоциации – *страх, пустота, бездна*).

5) Социально-этические ассоциации воплощены в следующих реакциях китайских студентов: *любовь, карьера, дружба, семья, родители, друг, уважение, история, эпоха, я, закон, традиция.*

Эти реакции отражают глубокую укорененность конфуцианских ценностей в китайском языковом сознании, где этические нормы и социальные роли воспринимаются как основа стабильности и вечности.

6) Материально-ценностные ассоциации содержат следующие реакции: *богатство, деньги, золото, бриллиант.*

Данные ассоциации отражают двойственность восприятия материального благополучия в китайской культуре, где традиционные конфуцианские ценности взаимодействуют с современными экономическими реалиями. *Золото* и *бриллиант* исторически связаны не только с материальным достатком, но и с

социальным статусом и духовной гармонией (*Золото не ржавеет, благородный человек не меняет своих принципов*). В условиях экономического бума XXI века, когда Китай является крупнейшим поставщиком товаров и услуг, *деньги* в китайской повседневности стали символом успешности, стабильности и социальной мобильности. Для молодого поколения Китая богатство – это не роскошь, а инструмент обеспечения стабильности семьи и образования детей. Бриллиант в рекламе и массовой культуре часто ассоциируется с «вечной любовью», что перекликается с западным влиянием.

7) Интеллектуально-научные ассоциации получили следующее распространение среди китайских студентов: *наука, проект, идея, знание, технология, исследование*.

Это отражает особенности образовательной и культурной парадигмы, где приоритет отдается практическому применению знаний и коллективным достижениям, а не абстрактным теоретическим концепциям. Более того, не стоит забывать о том, что китайские студенты находятся за пределами родной страны ради достижения одной цели – ради получения образования.

Проведенное исследование ассоциативного поля «вечность» в языковом сознании китайских студентов выявило ряд закономерностей, отражающих глубокую связь языка, культуры и ментальности. Распределение реакций по тематическим группам позволяет сделать следующие выводы:

- наибольшую содержательную и смысловую нагрузку несут реакции, связанные с религиозно-философскими концептами (*вечная жизнь, дух, гармония*), природно-стихийными (*Солнце, Луна, космос*) и социально-этическими (*дружба, семейные узы, уважение*) ассоциациями, а также относящиеся к психоэмоциональной сфере (*эмоция, гармония, воля*). Это свидетельствует о том, что «вечность» в языковом сознании китайских студентов воспринимается как категория, объединяющая давние религиозные традиции с современной экономической и социальной повседневностью. Более того, данное ассоциативное поле имеет положительную «окраску» в языковом сознании – китайские реакции демонстрируют стабильность и оптимизм.

Можно сказать, что концепт «вечность» в китайской традиции – это не бегство от времени, а его органичное вплетение в ткань социальных и природных ритмов.

2.2. Сопоставительный анализ реакций русских и китайских студентов

При сопоставлении ассоциативных реакций русских и китайских студентов получены следующие результаты, представленные в таблице ассоциативных реакций русских и китайских студентов (см. таблицу 2.5.).

Таблица 2.5 – Ядро ассоциативного поля «вечность» русских и китайских студентов.

Ядро ассоциативного поля «вечность» русских студентов	Ядро ассоциативного поля «вечность» китайских студентов
Жизнь 27;	Любовь 16;
Время 18;	Бриллиант 12;
Любовь 16;	Время 11;
Бесконечность 13;	Навсегда 10;
Космос 10.	Бесконечность 10.

Сравнительный анализ ассоциативного поля «вечность» в языковом сознании русских и китайских студентов выявил как универсальные закономерности, так и культурно-обусловленные различия. Начнем с **совпадений** в ядерной зоне.

1. Ассоциация *любовь* – занимает центральное место в ассоциативном поле обеих групп. У китайских студентов это самая частотная реакция, что может быть связано с конфуцианскими идеалами о человеколюбии и романтизацией вечных чувств в традиционной китайской литературе (Ли Бо, Бо Цзюй-и, Ли Циньчжао и многие др.). У русских студентов любовь также входит

в ядро, вероятно, отражая влияние христианской традиции, где «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4:16).

2. *Время и бесконечность* – родственные абстрактные категории, однако их интерпретация сильно различается в различных культурах.

В русском сознании концепты «время» и «бесконечность» (*вечность*) строго разделяются по принадлежности к тому или иному мировоззрению (материалистическому либо идеалистическому). Так, по мнению В.Н. Лосского, «*время* является одной из форм тварного бытия, тогда как *вечность* принадлежит собственно Богу» [Лосский, 1991, с. 232]. С другой стороны, говоря о сопричастности *вечности* или о принадлежности ко *времени*, мы эти понятия осмысливаем пространственно: время и вечность понимаются как некие «области» бытия, а не просто характеристики длительности (как в случае количественного противопоставления); ср. приведенные пространственные метафоры времени и вечности Н.А. Бердяева: «Два выхода есть в *вечность* ... мы вновь вступаем во *время*». Е. Е. Стефанский пишет, что в традиционной славянской культуре время воспринималось и мифологически (циклически), и исторически (линейно). Циклическое восприятие времени в древних славянских культурах отражается в общем происхождении слов «время» и «вертеть», «вращать». Линейная протяженность человеческой жизни концептуализировалась в лексеме «век», связанной со словами «виться», «развиваться». «Круг как один из древнейших мифологических символов отражает пространственно-временные представления о «своем» и «чужом» пространстве <...>, а также о цикличности времени и одновременно о вечности» [Стефанский, 2015, с. 33].

Тань Аошуан в своих исследованиях китайской языковой картины мира подробно раскрывает уникальные особенности восприятия времени, подчеркивая, как язык кодирует сложное взаимодействие цикличности и линейности. Она обращает внимание на два слова, обозначающих неделю, – *xīngqī* (*звездный цикл*) и *zhōu* (*замкнутый круг*), – которые отражают идею повторяемости, восходящую к наблюдениям за природными ритмами и

астрономическими явлениями. Однако, как отмечает ученая, китайская темпоральная модель не сводится к чистой цикличности. В языке закреплены две взаимодополняющие пространственные метафоры, определяющие отношение человека ко времени. Первая модель, выраженная в оппозиции *qián* (*прошлое, перед*) и *hòu* (*будущее, после*), предполагает, что говорящий мысленно обращен лицом к прошлому, активно продвигаясь вперед по «дороге времени». В этой системе координат предки именуется *qián rén* (*впереди идущие*), а потомки – *hòu rén* (*последующие*), что подчеркивает идею преемственности: каждый шаг человека удлиняет историю, а смена поколений уподобляется непрерывному шествию, где новое поколение занимает место предыдущего. Вторая модель, основанная на концептах *wèilái* (*будущее, букв. «еще не пришедшее»*) и *guòqù* (*прошлое, букв. «прошедшее мимо»*), рисует иную перспективу: здесь будущее приближается к человеку, пассивно ожидающему его на временной оси, а прошлое удаляется за его спиной [Тань Аошуан, 2004, с. 34–36]

Эта двойственность, по мнению Тань Аошуан, отражает синтез конфуцианских и даосских традиций. С одной стороны, активное «движение в прошлое» согласуется с конфуцианским культом предков и идеей личной ответственности за сохранение традиций. С другой – пассивное восприятие будущего как неминуемо наступающего коррелирует с даосским принципом *у-вэй* (*недеяние*), призывающим следовать естественному потоку событий. Таким образом, китайская языковая картина времени объединяет линейность и цикличность, активность и созерцательность, создавая сложную систему координат, где человек одновременно и творец истории, и участник вечного круговорота природы.

Можно сделать вывод, что в обеих культурах – китайской и русской сочетаются представления о линейном и циклическом времени, однако различия кроются в акцентах. Если в китайской языковой картине мира человек обращен лицом к прошлому, активно продвигаясь в его глубину, то в русской традиции взгляд направлен в будущее, которое воспринимается как цель

активного движения. В китайском мировосприятии будущее пассивно «настигает» человека, тогда как в русском – это пространство для деятельного освоения и преобразования. Возможно, именно поэтому в русской культурной перспективе может возникать ощущение, что китайский подход ко времени лишен суеты и спешки, ассоциируя гармонию с естественным ходом событий. Далее перейдем к **культурно-специфическим различиям**.

1. *Жизнь и космос* – у русских студентов эти концепты находятся в ядре, что связано с философской рефлексией о бренности бытия («*жизнь как миг перед вечностью*») и влиянием космизма (идеи Циолковского, Вернадского). У китайских студентов они смещены в околоядерную зону, так как воспринимаются через призму природных циклов («*жизнь – часть вечного Дао*»).

2. У китайских студентов выявлены уникальные ядерные ассоциации – *бриллиант и навсегда*.

Бриллианты долгое время занимали маргинальное положение в китайской ювелирной традиции. В отличие от европейской культуры, где их блеск и прозрачность стали символом роскоши, в Китае предпочтение отдавалось материалам с глубокой символической нагрузкой: нефриту, ассоциирующемуся с мудростью и бессмертием, кораллам как воплощению жизненной силы, яшме – защитнику от злых духов, а также органическим материалам вроде резного дерева, черепаховых панцирей и кости. Эти предметы ценились не за стоимость, а за связь с природой, философскими концептами и ритуалами. Прозрачность бриллианта, столь значимая в западной эстетике, противоречила китайским представлениям о красоте, где ценились насыщенность цвета, текстура и сакральная семантика. Даже стекло в традиционных украшениях часто окрашивали в яркие тона, имитируя бирюзу или лазурит, чтобы усилить символический смысл.

Однако в XXI веке отношение к бриллиантам в Китае трансформировалось. Под влиянием глобализации и роста среднего класса они стали статусным маркером, особенно в контексте свадебных ритуалов и бизнес-

этикета. Если раньше их символика сводилась к абстрактным понятиям чистоты, то сегодня бриллиантовые кольца или подвески демонстрируют финансовую состоятельность и ориентацию на западные стандарты престижа. При этом традиционные материалы не утратили значения: современные ювелиры часто сочетают бриллианты с нефритом, создавая гибридные украшения, где западный блеск соседствует с восточной символикой. Это отражает двойственность современной китайской идентичности: стремление к глобальному лоску при сохранении связи с культурными корнями.

Что касается наречия «навсегда», то его появление в ядерной зоне ассоциативного поля «вечность» в языковом сознании китайских студентов вполне логично и связано с конфуцианским культом предков, где память о прошлом обеспечивает связь поколений. Более того, если обратить внимание на синтаксическую роль, то традиционно «навсегда» является темпоративом – сирконстантом, определяющим временную отнесенность пропозиции и в данном контексте выражающим значение «на все время, на всю жизнь»

У русских студентов на *периферии* встречаются негативные экзистенциальные ассоциации (*страх, пустота, тяготы, потери, горе, уныние, грусть, тоска, бездна*), что может коррелировать с литературной традицией и различными высказываниями публицистов. Приведем известные цитаты о вечности русских писателей, где данная связь наглядно демонстрируется:

«Я безумно спешил к концу, не к концу – смерти, а к концу – вечности, к трансцендированию времени» [Бердяев, 2005, с. 576];

«Смерть, которая все кончит, и которая должна прийти нынче или завтра – все равно через мгновение, в сравнении с вечностью» [Толстой, 2008];

«И последнее молчание, бездонное, как последний взгляд вечности» [Андреев, 2018, с. 134].

«Перед лицом моря человек чувствует себя маленьким, ничтожной пылинкой, как перед лицом вечности» [Горький, 1979, с. 78].

Феномен страха перед вечностью в русской языковой картине мира вызывает множество вопросов. Почему вечность, в отличие от других культур,

ассоциируется у русских с экзистенциальным страхом? Почему она редко связывается с умиротворением или гармонией, как в восточных традициях? Эти вопросы были затронуты в исследовании Е.С. Яковлевой «Фрагменты русской языковой картины мира», где автор предлагает несколько гипотез, подкрепленных лингвистическими и культурными наблюдениями.

Русское восприятие вечности глубоко укоренено в православной эсхатологии, где вечность противопоставляется земной юдоли как испытание, а не награда. Идея Страшного суда и посмертного воздаяния формирует тревожный подтекст: вечность становится пространством неопределенности, где душа подвергается суду. В отличие от буддийской сансары или даосского бессмертия, христианская вечность лишена цикличности – это «окончательный приговор», что усиливает экзистенциальный страх. Более того, Е.С. Яковлева отмечает, что в русском языке вечность часто сочетается с лексемами, выражающими негативную трансценденцию: «вечный страх», «вечное проклятие», «вечная тоска». Даже в устойчивых выражениях вроде «вечная память» звучит трагизм утраты, а не утешение.

Исторические катаклизмы (революции, войны) сформировали установку на неустойчивость бытия, где сама идея вечности воспринимается как вызов. Русский менталитет, по словам Н.А. Бердяева, «метафизически ориентирован на катастрофизм», что делает вечность не идеалом, а угрозой [Бердяев, 2005, с. 474].

В китайской традиции вечность вписана в природные циклы, в индуизме – в перерождение, тогда как в русской картине мира она остается абстрактной бездной, лишенной антропоцентричных ориентиров.

Таким образом, страх перед вечностью в русской культуре – это не просто философская абстракция, а реакция на глубинные культурные травмы и религиозно-литературные нарративы. Как пишет Е.С. Яковлева, «русская вечность – это зеркало, в котором человек видит не бессмертие, а собственное исчезновение» [Яковлева, 1994, с. 90].

У китайцев периферию занимают прагматичные ассоциации (*карьера, технологии, знание, успех, богатство*), отражающие установку на созидание вечности через социальный вклад. Эта особенность подтверждается современной экономической политикой, где Китай является крупнейшим поставщиком товаров и услуг. Карьера в китайском контексте не просто профессиональный рост, но и ответственность перед семьей и государством, где достижения человека воспринимаются как вклад в «вечность» нации. В отличие от западного индивидуализма, где вечность часто ассоциируется с личным наследием, в Китае акцент смещен на коллективное бессмертие.

Сопоставив ассоциативное поле «вечность» в языковом сознании русских и китайских студентов, можно сделать вывод, что совпадения в ядерной зоне отражают общечеловеческие универсалии (*любовь, время*), а различия – глубинные культурные коды, сформированные религией, историей и социальными практиками.

Для полноты концептуального анализа важно обратиться к данным толковых и ассоциативных словарей, которые выступают «картой» коллективного сознания.

В малом академическом словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой находим следующее определение вечности:

1. Течение времени, не имеющее начала и конца.
2. В антинаучной религиозно-идеалистической философии: вневременность, независимость от времени, неизменность во времени.
3. *Разг.* Томительно долгое время [МАС, 1999].

В толковом словаре Д.В. Дмитриева «вечность» определена следующим образом:

«1. Вечность – это религиозная и философская категория, в которую разные традиции вкладывают разные смыслы. По одним представлениям, вечность – это божественный мир, не имеющий физических измерений и находящийся вне времени, куда человек попадает после смерти, по другим –

это бесконечное по времени существование материального мира и т. п. *Вечность материи.*

2. Вечностью называют очень долгие периоды времени, которые представляются нам не имеющими начала и конца. *От далеких синюющих гор веяло вечностью и покоем.*

3. Когда вы говорите, что кто-нибудь или что-нибудь уходит, переселяется и т.п. в вечность, вы хотите сказать, что кто-то или что-то перестает существовать, умирает.

4. Вечностью называют отрезок времени, который представляется нам очень долгим. *Я не видел тебя целую вечность!*» [Дмитриев, 2003].

В большом толковом словаре С.А. Кузнецова «вечность» – это:

«1. Бесконечное по времени существование материального мира. *Вечность материи.* 2. *Книжн.* Течение времени, не имеющее ни начала ни конца. *Отойти (кануть) в вечность (уйти в прошлое, минуть, забыться).* 3. *Разг.* О времени, тянущемся очень долго. *Ожидание показалось вечностью*» [Кузнецов, 2008].

В ассоциативных полях русских респондентов представлено большинство реакций, которые соотносятся с вышеупомянутыми определениями. В большей мере они составляют ядро и околядерную зону полей. Это такие ассоциативные реакции, как *время, бесконечность, бытие, бессмертие, смерть, постоянство, память, неизменность, история, век, очень долго, муки ожидания.* Подобный спектр отражает глубокую связь с философско-экзистенциальной традицией русской культуры, где акцент на вечность, цикличность бытия и рефлексию о конечности человеческого существования занимает центральное место. Интересно, что реакция *муки ожидания* подчеркивает эмоционально-напряженное восприятие времени, характерное для русской ментальности, где длительность часто ассоциируется с испытанием.

Что касается ассоциативного поля китайских студентов, то здесь гораздо меньше совпадений – *время, навсегда, вечная жизнь, быть неизменным,*

философия (совпадения аналогично русским респондентам – в ядре и околоядерной зоне). Однако преобладание реакций вроде *вечная жизнь* и *быть неизменным* может указывать на влияние конфуцианских и даосских традиций, где стабильность, гармония с природой и стремление к духовному бессмертию играют ключевую роль. Отсутствие экзистенциально-трагических концептов («смерть», «муки») и наличие нейтральных категорий («философия») вероятно связано с культурным акцентом на практицизм и коллективизм, где индивидуальные переживания реже выводятся в публичный дискурс.

Обратимся к данным Славянского ассоциативного словаря, разработанного коллективом авторов под руководством Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасовой, Ю.Н. Караулова и Е.Ф. Тарасова. В нем зафиксирован значительный объем ассоциаций, связанных с концептом «вечность». Среди наиболее частотных реакций выделяются: «жизнь» (25 упоминаний), «бесконечность» (21), «время» и «космос» (по 20), «вселенная» и «долго» (по 19), «смерть» (13), а также «бессмертие» и «любовь» (по 9). В околоядерной зоне и на периферии поля присутствуют как абстрактные категории («душа», «пространство», «Бог»), так и эмоционально окрашенные понятия («ждать», «пропасть», «тьма») [САС, 2004, с. 44].

Сравнительный анализ показывает, что ядро ассоциативного поля «вечность» в словаре практически полностью совпадает с результатами, полученными от русских респондентов. Единственное отличие заключается в позиции ассоциации *любовь*: в нашем исследовании она входит в ядерную зону, занимая третье место по частотности, тогда как у китайских участников эта реакция оказалась на первом месте. Кроме того, наблюдается сходство в распределении строго негативных ассоциаций (*смерть*, *пропасть*, *тьма*), локализованных в околоядерной зоне и на периферии. Эти реакции связаны с психоэмоциональным восприятием вечности, что подчеркивает общность в глубинных культурных и экзистенциальных установках.

2.3. Методическая разработка урока

На основе проведенного исследования русского в предметных границах обучения русскому языку как иностранному разработано занятие, позволяющий студентам не только углубиться в поэтические тексты, но и увидеть, как язык и культура формируют восприятие абстрактных категорий.

Творческие задания способствуют преодолению стереотипов и развитию эмпатии к иной культурной традиции. Ключевой вопрос для студентов: *Как метафоры времени в поэзии отражают «душу» культуры?* Этот вопрос становится мостом, связывающим анализ текстов и осмысление культурной идентичности.

Урок-говорение

Тема: «Вечность в зеркале культур:

сравнительный анализ русской и китайской поэзии»

Цель: осмысление студентами культурно-специфичных характеристик понятия вечности через анализ поэтических текстов и развитие навыков межкультурной коммуникации.

Целевая аудитория: студенты-иностранцы продвинутого уровня владения русским языком.

Продолжительность: 90 минут.

Задачи занятия:

- активизировать знания о культурных особенностях восприятия времени и вечности в русской и китайской традициях;
- развить навыки лингвистического и межкультурного анализа поэтических текстов;
- сформировать умение выявлять и интерпретировать культурные различия через художественные образы;
- стимулировать творческое мышление через создание межкультурных диалогов и эссе.

Универсальные учебные действия (УУД):

Познавательные	<ul style="list-style-type: none"> – Анализ метафор, глаголов движения, парадоксов в текстах. – Сравнение русских и китайских концептов вечности. – Установление связей между языковыми средствами и культурными установками.
Регулятивные	<ul style="list-style-type: none"> – Планирование времени на этапах урока. – Самоконтроль при выполнении творческих заданий.
Коммуникативные	<ul style="list-style-type: none"> – Участие в парных обсуждениях, аргументация своей позиции.
Личностные	<ul style="list-style-type: none"> – Рефлексия собственного восприятия вечности. – Осознание влияния культурного контекста на интерпретацию абстрактных понятий.

Ход урока:

1. Вводный этап: Активизация знаний (15 мин)

Задание 1. «Ассоциации»

Студенты записывают 3-4 слова, которые у них ассоциируются с китайским понятием «вечность» и русским словом «вечность». Далее следует работа в парах, где обсуждаются сходства и различия полученных ассоциаций.

Комментарий преподавателя:

«В китайской традиции время часто циклично, а в русской – линейно и драматично. Это отражается в литературе, в чем вы сегодня убедитесь на практике».

2. Основной этап: Анализ поэтических текстов (30 мин)

Текст 1.

Как океан объемлет шар земной,

Земная жизнь кругом объята снами...

Настанет ночь – и звучными волнами

Стихия бьет о берег свой

(Ф.И. Тютчев. Как океан объемлет шар земной..., 1830).

1. Лингвистический анализ:

- 1) Найдите в тексте аллитерации и ассонансы (например, «звучными волнами» – повторение «зв», «чн»). Как звуковая организация стиха усиливает образ времени? Сравните с китайскими стихотворениями, где время изображается с использованием образов воды.*
- 2) Найдите метафоры времени («ночь», «волны», «океан»).*
- 3) Как глаголы характеризуют движение времени в русской культуре? («объемлет», «бьет»).*

2. Сопоставительный (кросс-культурный) анализ:

- 1) Сравните образ «океана времени» с китайской метафорой «время как текущая вода».*
- 2) Почему у Тютчева океан «бьет о берег», а не течет плавно?*

Текст 2.

Не говорите мне о вечности –

Я не могу ее вместить.

*Но, как же вечность, не простить
Моей любви, моей беспечности?
Я слышу, как она растет
И полуночным валом катится.
Но – слишком дорого заплатится,
Кто слишком близко подойдет.
И, тихим отголоскам шума я
Издали бываю рад, –
Ее пенящихся громад, –
О милом и ничтожном думая.*

(О.Э. Мандельштам. «Вечность», 1909)

Задание 1. Анализ образов:

А) *Какие специфические символы вечности использует поэт?*

Б) *Какие чувства у автора вызывает «вечность» и почему? Найдите подтверждение в тексте.*

Задание 2. «Парадоксы вечности»

Найдите в тексте противоречивые образы:

- *«Не могу ее вместить»* → но *«слышу, как она растет»*;
- *«Пенящиеся громады»* → *«милое и ничтожное»*.

Почему вечность у Мандельштама одновременно огромная и неуловимая?

Задание 3. «Грамматика времени»

Выпишите из текста все глаголы движения. Как они передают идею времени? Сравните с китайскими глаголами для описания времени.

Задание 4. «Страх перед вечностью»

Почему лирический герой боится вечности («слишком дорого заплатится»)? Присутствует ли мотив подобного страха в китайской поэзии?

3. Практический этап: творческая работа (35 мин)

Задание 1. «Мост между культурами» (работа в парах).

Составьте условный диалог, который мог бы произойти между русским и китайским поэтами. Они спорят о том, как наиболее точно описать вечность в стихотворной форме. При составлении реплик русского поэта используйте идеи и образы из стихотворений Ф.И. Тютчева и О.Э. Мандельштама, а кроме того, слова «одиночество», «бесконечность». При составлении реплик китайского поэта определите их содержание, опираясь на представления о вечности, типичные для китайской культуры. Разыграйте получившийся диалог в парах.

Пример начала диалога:

– *Вы, русские, все усложняете!* – сказал китайский поэт. – *Вечность – это круг, как годового цикл, как времена года, сменяющие одно другое...*

Задание 2. «Эмблема вечности» (работа в группах).

Объединитесь в группы по 4 человека и создайте две эмблемы (символические изображения) на одном листе. Первая эмблема должна отражать русскую концепцию вечности, с учетом образов из стихотворений Ф. Тютчева и О. Мандельштама (океан, волны, ночь, одиночество). Вторая эмблема должна отражать китайскую концепцию вечности – с опорой на метафоры «текущая вода», «круг», «сезоны», «гармония» и др.

Объясните элементы каждой эмблемы. Как символы отражают культурные ценности?

Где бы вы разместили эти эмблемы (например, на фасаде музея, обложке книги)? Почему?

Пример эмблемы, соответствующей русскому представлению о вечности:

Центр – волна, разбивающаяся о скалу (*конфликт*), фон – темнеющее небо с одиноким парусом (*одиночество*).

**После завершения работы над заданием студенты представляют свои работы и выбирают самую «солидаризирующую» эмблему – ту, где элементы двух традиций сочетаются органично.*

Рефлексия к заданию:

- 1) *Какие элементы вечности было сложнее изобразить?*
- 2) *Можно ли создать универсальную эмблему вечности для обеих культур?*

4. Рефлексия и домашнее задание (10 мин)

Вопросы для обсуждения:

1. Какое понимание вечности вам ближе – русское или китайское? Почему?
2. Как эти различия могут повлиять на межкультурное общение?

Домашнее задание:

Напишите эссе (200 слов), развернуто ответив на следующий вопрос: *«Можно ли сказать, что русская «вечность» – это «вечность с человеческим лицом?».*

Подготовьте 2 примера из китайской культуры для сравнения.

Критерии успешности урока

1. Студенты могут назвать 3-5 ключевых образов вечности в русской поэзии.
2. Студенты умеют объяснить культурные различия на конкретных примерах.
3. Студенты формируют осмысленные тексты (диалоги / эссе) с использованием межкультурных параллелей.

Такой урок сочетает глубокий литературный анализ с практикой межкультурной коммуникации, что особенно актуально для китайских студентов, изучающих русский язык.

Выводы к главе 2

Вторая глава отражает экспериментальный и методический этапы исследования.

Для выявления ассоциативного поля «вечность» в языковом сознании носителей русского и китайского языков применен метод цепочечного ассоциативного эксперимента.

Участниками очного этапа стали студенты-филологи 1–2 курсов: 53 русских респондента и 50 китайских. Русским студентам предлагалось записать ассоциации на слово-стимул «вечность» в течение 2–3 минут. Китайские респонденты для обеспечения достоверности получаемых данных сначала фиксировали ассоциации на родном языке, а затем предоставляли их перевод на русский.

Все полученные результаты проанализированы по частеречной принадлежности, по частоте употребления, по синтагматическим и парадигматическим связям, по негативной и позитивной окраске. Кроме того, выделены отдельные парадигматические ассоциации, выражающие синонимические и антонимические, родо-видовые отношения, ситуационные связи.

На следующем этапе проведен количественный анализ ассоциативных реакций по частоте употребления. Установлено, какие реакции составляют ядро ассоциативного поля, какие – околядерную зону и какие – периферию.

Русскими респондентами дано 426 реакций. Самыми частотными оказались реакции: *жизнь, время, любовь, бесконечность, космос*. Данные ассоциации составляют ядро ассоциативного поля. Околядерная зона представлена следующими реакциями: *вселенная, бытие, бессмертие, смерть,*

долго, пространство, мир, постоянство. Периферия ассоциативного поля представлена реакциями: *апатия, биполярность, бессилие, бремя, ничего, страдание, пустота, бездна, небытие.*

Полученные реакции сгруппированы в 7 групп с учетом содержания данных ассоциаций, отсылающих к той или иной сфере либо определенному аспекты жизнедеятельности человека: временные, религиозно-философские, природно-стихийные, психоэмоциональная сфера, социально-этические, культурно-символические, предметно-бытовые.

Распределение реакций по тематическим группам позволило сделать следующие выводы:

- наибольшую смысловую нагрузку несут реакции, связанные с психоэмоциональной сферой, религиозно-философскими концептами, природно-стихийными ассоциациями. Это свидетельствует о том, что «вечность» в русском сознании воспринимается как категория, провоцирующая экзистенциальную рефлексию;
- концепт демонстрирует полярность реакций: с одной стороны, он ассоциируется с трансцендентным, с другой стороны – с угрозой индивидуальному существованию;
- ассоциации из группы «культурно-символические» отражают влияние литературы, фольклора и научного дискурса на формирование языкового сознания респондентов.

Среди китайских респондентов опрошено 50 человек и получено 320 реакций. Ядро ассоциативного поля составляют следующие реакции: *любовь, бриллиант, время, навсегда, бесконечность.* Околоядерная зона определена реакциями *жизнь, вечная жизнь, богатство, вселенная, карьера,* а периферия – реакциями *эмоция, закон, болезнь, наука, отношения, связь, традиция, идея, удача, знание.*

Реакции китайских студенты также распределены по 7 группам: временные, религиозно-философские, природно-стихийные,

психоэмоциональная сфера, социально-этические, материально-ценностные, интеллектуально-научные.

Наибольшую содержательную и смысловую нагрузку несут реакции, связанные с религиозно-философскими концептами, природно-стихийными и социально-этическими ассоциациями, а также реакции, относящиеся к психоэмоциональной сфере. Это свидетельствует о том, что «вечность» в языковом сознании китайских студентов воспринимается как категория, объединяющая давние религиозные традиции с современной экономической и социальной повседневностью.

Сопоставив ассоциативное поле «вечность» в языковом сознании русских и китайских студентов, мы сделали вывод, что совпадения в ядерной зоне отражают общечеловеческие универсалии (*любовь, время*), а различия – глубинные культурные коды, сформированные религией, историей и социальными практиками.

Заключение

Проведенное исследование ассоциативного поля «вечность» в языковом сознании русских и китайских студентов позволило выявить как универсальные, так и культурно-специфические особенности осмысления соответствующего концепта в русской и китайской культурах.

В первой главе рассмотрены теоретические основы изучения языкового сознания. В параграфе 1.1 представлена связь языкового сознания с лингвистикой и психолингвистикой, приведены исследования, касающиеся проблематики межкультурной дифференциации данного понятия. Следующий параграф посвящен ассоциативному эксперименту как одному из самых эффективных способов изучения языкового сознания, приведены различные типы АЭ и в целом описана методика анализа результатов. В параграфе 1.3 уделено внимание лингвокультурологическим изысканиям – представлена теоретическая база данной научной дисциплины, обсуждены термины, позволяющие интерпретировать результаты исследования с позиций соотношения языка, мышления и культуры. В параграфе 1.4. изложены концепции представления о времени в различных культурах.

Вторая глава демонстрирует результаты экспериментального и методического этапов исследования.

Для выявления ассоциативного поля «вечность» в языковом сознании носителей русского и китайского языков применен метод цепочечного ассоциативного эксперимента, позволяющего прояснить образ вечности у представителей различных культур. В эксперименте приняли участие 103 человека (53 русских и 50 китайских студентов). Всего проанализировано 746 реакций испытуемых на слово-стимул «вечность». Ассоциации подверглись количественному (ядро, околоядерная зона, периферия), качественному (выделены парадигматические и синтагматические реакции, произведена дифференциация по различным тематическим группам) и сопоставительному

анализу (проведено сравнение ассоциаций русских и китайских респондентов в сопоставлении с данными толковых и ассоциативных словарей).

В ядре ассоциативных полей обеих групп доминируют универсальные концепты: «*время*», «*любовь*», «*бесконечность*». Это подтверждает, что вечность как абстрактная категория связана с фундаментальными аспектами человеческого существования. Однако даже в совпадениях проявляется культурная специфика: у русских «*любовь*» соседствует с экзистенциальными понятиями («*смерть*» и «*жизнь*»), тогда как у китайцев она сочетается с прагматичными ценностями («*бриллиант*» и «*карьера*»).

Русские студенты демонстрируют полярность восприятия: вечность ассоциируется как с трансцендентным («*космос*», «*бессмертие*»), так и с экзистенциальной тревогой («*страдание*», «*пустота*»). Это отражает влияние христианско-философской традиции, где вечность осмыслена через противопоставление духовного и земного.

Ассоциации китайских студентов демонстрируют синтез традиций и современности: в ассоциациях сочетаются даосско-конфуцианские концепты («*вечная жизнь*», «*гармония*») и социально-материальные категории («*богатство*», «*карьера*»). Это указывает на адаптацию абстрактного понятия к реалиям глобализованного общества.

У русских студентов доминируют психоэмоциональные и религиозно-философские реакции, что подчеркивает их склонность к рефлексии и поиску метафизического смысла. Языковое сознание китайцев во многом определяют социально-этические и материально-ценностные ассоциации, что коррелирует с коллективистским типом культуры, представители которой осмысливают вечность через понятия социальной стабильности и личного успеха.

Обобщая сказанное, в свою очередь используем образ и сравним языковое сознание с мостом между индивидуальным и коллективным, между прошлым и будущим. Каждая ассоциация, будь то «*Снежная Королева*» или «*долгий как небо и постоянный как земля*», хранит в себе следы исторического

опыта и культурных трансформаций, переживаемых всяким национальным коллективом.

Кроме того, обратим внимание на то, что применение цепочечного ассоциативного эксперимента в очередной раз доказало свою эффективность для выявления глубинных культурных кодов. Разделение реакций на ядро, околоядерную зону и периферию позволяет визуализировать иерархически устроенную языковую модель «вечности», а классификация реакций по тематическим группам – систематизировать их в контексте культурных доминант.

Результаты работы имеют значение для развития теории межкультурной коммуникации, переводческой деятельности и методики обучения русскому языку как иностранному, о чем свидетельствуют материалы заключительного раздела диссертации и разработанные автором задания. Понимание различий в восприятии абстрактных категорий помогает преодолевать культурные барьеры и прогнозировать потенциальные смысловые проблемы в межкультурном диалоге.

Список литературы

1. Августин А. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского: [Пер. с латин.] / Аврелий Августин; Изд. подгот. [и вступ. ст., с. 5–50, написал] А. А. Столяров; [Примеч. М. Е. Сергеенко]. М.: Ренессанс, 1991. 486 с.
2. Андреев Л. Н. Иуда Искарот [Текст] / Леонид Андреев. М.: Время, 2018. 462 с.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. 2. изд., испр. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 895 с.
4. Арутюнова Н.Д. От редактора: Вступительная статья // Логический анализ языка: культурные концепты: сб. научн. трудов / ИЯ АН СССР; отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 1991. С. 3–4.
5. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2005. 640 с.
6. Блинова О. И. Внутренняя форма слова: мифы и реальность // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2012. №4 (20). С. 5–11.
7. Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. Санкт-Петербург: Норинт; М.: Рипол классик, 2008. 1534 с.
8. Борисова Ю.А. Ассоциативный эксперимент в современных психолингвистических исследованиях // Психология, 2019. № 1А. С. 265–275.
9. Бурнаева К. А. Ассоциативное поле как способ моделирования фрагмента языкового сознания // *Lingua mobilis*. 2011. №6 (32). С. 51–58
10. Введение в психолингвистику: учебник / А. А. Залевская; Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования, Российский гос. гуманитарный ун-т. 2-е изд., испр. и доп. М.: РГГУ, 2007. 559 с.
11. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 400с.
12. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Искусство, 1984. 349 с.

13. Жак ле Гофф. Цивилизация средневекового запада: Издательская группа «Прогресс»; М.: Прогресс-академия, 1992. 214 с.
14. Залевская А.А. Индивидуальное знание. Специфика и принципы функционирования. Тверь: ТГУ, 1992. 135 с.
15. Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова. М.: Берлин: Директ-Медиа, 2014. 328 с.
16. Залевская. А.А. Слово. Текст. Избранные труды. М.: «Гнозис», 2005. 542 с.
17. Колесов В. В. Язык и ментальность / В.В. Колесов. СПб.: Востоковедение, 2004. 237 с.
18. Левонюк А.Е. Психолингвистика: учеб.-метод. комплекс / А.Е. Левонюк. Брест: БрГУ, 2019. 205 с.
19. Леонтьев А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977. 192 с
20. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
21. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
22. Леонтьев Д.А. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности: учеб. пособие: для студентов вузов / Д. А. Леонтьев. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007. 510 с.
23. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие: для студентов вузов / В. А. Маслова. 2-е изд., стер. М.: Academia, 2004. 202 с.
24. Михеева Л. Н. «Время» в русском языковом сознании // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2016. №1 (7). С. 57–63
25. Ньютон И. Математические начала натуральной философии [Текст] / Исаак Ньютон; пер. с латинского и коммент. А. Н. Крылова; под ред. и с предисл. Л. С. Полака ; [АН СССР]. М.: Наука, 1989. 687 с.
26. Овчинникова И.Г. Ассоциативный механизм в речемыслительной деятельности: дис. ... докт. фил. наук. СПб., 2002. 382 с.

27. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Издательство «Азъ», 1992.
28. Радби́ль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учебное пособие / Т. Б. Радби́ль. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2013. 325 с.
29. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к рекции. М.: АСТ-Астрель, 2002. 784 с.
30. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М., 2004. 800 с.
31. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 795 с.
32. Соссюр Ф. Труды по языкознанию / Фердинанд де Соссюр; Пер. с фр. яз. под ред. А.А. Холодовича; [Вступ. статьи А.А. Холодовича и др.]. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
33. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 40–43.
34. Стефанский Е. Е. Концепт «Kolo» (круг) в романе М. Кундеры «Книга смеха и забвения» // Культурные коды в сознании и языке: международный сборник научных трудов по лингвокультурологии / Е. Е. Стефанского. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2015.
35. Тань Аошуан. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004. 231 с.
36. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание – перспективы исследования // Языковое сознание: содержание и функционирование: матер. XIII Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. М, 2000. С. 3–4.
37. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004. №2. С. 34–47.

38. Толковый словарь русского языка Ок. 2000 слов. ст., свыше 12000 значений / Под ред. Д.В. Дмитриева. М.: Астрель и др., 2003. 989 с.
39. Толстой Л.Н. Война и мир: Роман в четырех томах. Т. I-II/ Л.Н. Толстой. М.: ЭКСМО, 2008. 736 с.
40. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Ияз РАН, 2011. С. 139–162.
41. Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования / Т.Н. Ушакова. В сборнике: Языковое сознание и образ мира. 2000. С. 13–23.
42. Философский энциклопедический словарь / [Подготовили А.Л. Грекулова и др.]; Редкол.: С.С. Аверинцев и др. 2-е изд. М.: Сов. энцикл., 1989. 814 с.
43. Фрумкина Р.М. Психолингвистика: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / Р. М. Фрумкина. 5-е изд., испр. М.: Издательский центр «Академия», 2014. 336 с.
44. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. 450 с.
45. Элиас Н. О процессе цивилизации: социогенет. и психогенет. исслед. / Норберт Элиас; Акад. исслед. культуры. М.; СПб.: Унив. кн., 2001. 330 с.
46. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. 320 с.
47. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира: (Модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. М.: Гнозис, 1994. 343 с.
48. Li Z. Confucian Values and the Concept of Eternity. Beijing, 2018.
49. Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese / Anna Wierzbicka. New York; Oxford: Oxford univ. press, 1997. 317 p.

50. Zhang, L. Temporal Concepts in Mandarin: A Cognitive Approach. Beijing, 2019.